

Галина Грановская

РАССКАЗЫ

Галина Грановская

Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24123780

ISBN 9785448519321

Аннотация

В книге известного крымского прозаика собраны рассказы, написанные в разные годы. О встречах и расставаниях, о любви, счастливой и несчастливой, о дружбе и предательстве, о попытках обрести счастье в чужой стране и о возвращении туда, где тебя ждут. Герои рассказов – люди разного возраста и самых разных профессий. У каждого из них своя жизненная история, но всех объединяет стремление быть понятым и быть счастливым – насколько это возможно.

Содержание

Романтическое знакомство	5
Ожидание	21
1	21
2	29
3	40
4	46
5	52
В горах	57
Праздники и подарки	70
Дорога на Ай-Петри	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рассказы

Галина Грановская

© Галина Грановская, 2017

ISBN 978-5-4485-1932-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Романтическое знакомство

1

Рейс снова отложили – «из-за неблагоприятных погодных условий в аэропорту приземления». Метель там, что ли, в Москве? С каждой новой пятиминуткой, отбиваемой скачком стрелки больших часов на стене напротив, настроение у Алёны всё больше портилось. К восьми вечера оно было ниже плинтуса, как у всякого пассажира, пол-суток протомившегося в ожидании отлета. Алёна поднялась и, попросив сидящую рядом пожилую женщину постеречь место, отправилась в дальний угол зала, где располагалось кафе. Булка и пара котлет, против Алёнкиной воли утром втиснутых мамой в сумку, давно съедены; растаяла во рту, кусочек за кусочком, плитка шоколада. Нет, впредь – только поездом. Дольше, зато наверняка. Ехала бы сейчас тихо-мирно и смотрела бы сладкие сны под перестук колес.

Это всё дядька, приехавший к ним в гости, начал воду мутить. Почти двое суток в вагоне болтаться? Самолётом надо летать! Дорого самолётом, возразила мама. Я куплю билет, отрезал её младший брат. Пусть племяшка лишний день дома побудет. И подмигнул Алене. Он всегда, когда выпьет, весёлый. И щедрый, пока при деньгах. А они у него ещё не были растрочены – всего лишь неделю назад вернулся из дальнего плавания по южным морям. Подарков на-

вёз. Алёне джинсы и кофточку, маме куртку-аляску, которая оказалась маловата и была тут же передарена Алёне к её большой радости. Естественно, она не удержалась и напялила в дорогу все эти вещи, хотя внутренний голос и предупреждал, что лучше этого не делать. У студентов примета есть – наденешь на экзамен что-то новое, обязательно попадётся плохой билет. Также нельзя одевать ничего нового, если впереди маячит важная встреча или, например, поездка. В самом деле, ну для кого, спрашивается, она выфрантилась? Никто ведь не встречает. Да и холодно в куртке. Надень она свою старую шубу, сейчас бы так не мёрзла. Вот, даже чай не согревает...

Алёна допила второй стакан и отправилась назад, купив по пути в киоске последний номер «Красоты и моды». Читать в нём особенно нечего, одни картинки да статьи психологов, но чем-то же надо заполнить тянучее время вынужденного ожидания. Поблагодарив соседку за сохранение места, полистала журнал, посмотрела фотографии, задержалась на гороскопе – что там ждет её в ближайшем будущем? Но, сколько не вчитывалась в хитро закрученные предложения, приложить написанное к себе никак не получалось. Чепуха какая-то и бессмыслица... Вздохнув, отложила журнал и снова стала рассеянно наблюдать за движением в зале. Неподалеку лысый старичок в серой дублёнке насторожился, вытянул шею, едва ушами не шевелил, вслушиваясь в витающий под потолком голос. Потом вдруг выдернул из-под

ног дорожную сумку и встал. Везёт же некоторым. И почему это в какой-то Дальнегорск вылет разрешен, в Архангельск летят, в Череповец летят, а в Москву нет? Пожалуй, стоит перебраться на его место, решила она, подальше от дышащего холодом окна. И поскорее, пока не заняли. Народу становилось всё больше и больше. Кто-то поднимался и спешил на посадку, а кто-то искал где бы присесть.

Алёна быстренько поднялась, сделала пару шагов и едва не споткнулась о чьи-то длинные ноги, вытянутые на всю ширину прохода. Спрятав лицо в капюшон куртки, сложив руки на груди, какой-то мужик сладко спал и дела ему не было до того, что кто-то по его милости едва не разбил себе нос! Алёна сердито покосилась на соседа и, шлёпнувшись рядом, прислушалась – громкоговоритель начал выдавать новую порцию информации. Как и следовало ожидать, ничего хорошего она не услышала. Очередное объявление лишило последней надежды покинуть Мурманск в ближайшие часы. Вылет рейса переносился на утро. Впрочем, теперь уже без разницы, где сидеть, уныло подумала она, здесь или там. Ну прилетит она в Москву, скажем, в два часа ночи, и что? Аэропортовские автобусы до общаги не довезут, на такси дорого, метро закрыто. Так что из Шереметьева до утра ей все равно не выбраться. Что здесь ночевать в зале ожидания, что там. А может, плюнуть на всё, сдать билет и завтра выехать поездом? А что, весь её багаж при ней. Соблазн вернуться домой, постоять под горячим душем, хорошо поужи-

нать и улечься в теплую чистую постель, был велик. Но вот как воспримет её возвращение дядька? Опять же, билетов на завтрашний поезд в столицу может не оказаться. Она потеряет в деньгах и, плюс ко всему, путешествие растянется еще на пару суток. И вообще, возвращаться – ещё одна плохая примета. Алёна вздохнула, нет, домой нельзя. Как-то надо перетерпеть эту ночку. Каких-то семь часов осталось. Больше прождала. Хорошо бы уснуть, время во сне летит быстрее, но как тут уснешь на неудобной скамейке, да ещё при шуме и ярком свете? Впрочем, – Алена искоса взглянула на торчащий из ворота куртки заросший щетиной подбородок, – кто по-настоящему хочет спать, тому такие пустяки, как свет и шум, не помеха.

Словно почувствовав, что на него смотрят, сосед внезапно зашевелился, подобрал ноги, выпрямил плечи и откинул капюшон. И неожиданно оказался молодым и красивым. Ни небритость, ни взлохмаченные, торчащие во все стороны волосы не портили его лица. Такой профиль только в кино снимать. Парень пригладил волосы, обвёл сонным взглядом зал, словно пытаясь понять, где находится, а потом вдруг повернул голову к Алёне, – она едва успела опустить глаза и сделать вид, что рассматривает обложку журнала с зубастой девицей, – и хрипловатым ото сна голосом поинтересовался, который час. Её так и подмывало ткнуть пальцем в стену напротив – вот же часы, прямо перед тобой! – но по его сонному виду поняла, что часов он пока еще не видит, и помедлив,

произнесла: без десяти двенадцать.

– Выходит, ночь, – зевнув, сказал сосед.

– Вообще-то в это время года здесь всегда ночь, – пробормотала она.

Ее ирония, похоже, до него не сразу дошла, потому пришлось добавить:

– Полярная.

Он похлопал ресницами, соображая.

– А, ну да, – улыбнулся.

И внезапно развернувшись всем корпусом к Алене, с интересом оглядел её.

– С каникул?

Таким тоном, как будто они сто лет знакомы.

– На мне написано, что я студентка? – вскинула брови Алена, перелистывая страницу.

Он пожал плечами.

– Сейчас многие с каникул возвращаются.

Тоже, наверное, студент, подумала она, но спрашивать не стала. Если бы он был лицом попроще, она бы спросила. Но этот наверняка очень высокого мнения о себе. Поэтому никакого интереса к его персоне она проявлять не будет. Захочет, сам скажет. А не скажет, ну так и ладно. Мало ли народу туда-сюда по миру мотается. Со всеми не перезнакомишься. Хотя на самом деле, ей хотелось бы знать, где он учится, если студент. А если не учится, то чем занимается? По речи не похоже, что москвич. Может быть, тоже мурман-

чанин? Впрочем, чего это она гадает, с какой стати? Он словно прочитал её мысли.

– В Мурманске в командировке был. Теперь вот в Москву, – почесал подбородок. – Никак не улечу...

– Я тоже в Москву, – сообщила, почему-то радуясь такому совпадению.

– Каким рейсом?

К её разочарованию, оказалось, что рейсы у них разные. Оказалось, его самолет должен был отправиться на Москву ещё ранним утром. Но вот, нелётная погода и он уже целые сутки сидит в этом зале.

– Сутки! – упавшим голосом произнесла она. – Мы, что, можем и ещё на сутки здесь застрять?

– Бывает и хуже, – усмехнулся сосед. – Я однажды в Новосибирске трое суток сидел.

– С ума сойти! Нет, больше я не летаю.

– Поездом ещё хуже, – сказал он.

– Почему это? Поездом как раз лучше, не застрянешь в аэропорту.

– Ну, это не так уж часто случается, – сказал он, разглядывая её. А может быть, Алене это только показалось. – Я по работе много летаю. Удобно. Несколько часов и на месте. Случаются, конечно, задержки, не без этого, но это чаще зимой. А поезд, он же еле плетётся что зимой, что летом, больше времени в дороге проводишь, чем в самой командировке.

– А я всегда поездом езжу, мне нравится. Разные станции

проезжаешь, с людьми знакомишься.

Внезапно неоновый квадрат лампы над их головами затрещал и погас. Угол погрузился в полумрак. Мужик, читающий напротив Алёны газету, взглянул вверх и выругался. Парень засмеялся, а она вздохнула с облегчением – в полумраке лучше. Глаза не устают от яркого сине-белого света. И разговаривать легче. Вообще-то она с парнями нормально общалась, потому что с детства ходила в разные спортивные секции, а там мальчишек всегда больше, чем девчонок. Но сейчас почему-то чувствовала некоторую скованность. Симпатичные, они о себе всегда высокого мнения. Такой бы на ней своего выбора никогда не остановил... как, впрочем, и другие. «Ты для них как бы свой парень, – говорит Ксения, с которой они в общаге живут в одной комнате. – Выглядишь так, как будто только что с тренировки или на какую-нибудь пробежку собралась. А это, извини, мужчин не привлекает. Мужчины любят женщин за то, чего у них нет. Им хочется видеть, какая у тебя грудь, попа, ноги... кстати, и длинные волосы очень даже приветствуются. У тебя же стрижка короче некуда и вечный прикид спортсмена, за которым женщину в тебе не разглядеть. Издалека кажется, не девушка, а какой-то подросток-полудурок с рюкзаком навстречу скачет!». Алёна и в самом деле часто ходила в спортивном костюме. Но только потому, что у неё три раза в неделю тренировки по утрам, до начала занятий. А по субботам и средам ещё и бассейн. Само собой, в те дни, когда не было тренировок,

она и туфли, и платья носила. Но ситуации они кардинально не меняли. Нет, парни к ней нормально относились, то и дело просили конспекты, одалживали у неё деньги, но вот свиданий никто назначать не спешил.

Ксюхин Ромка как-то попытался познакомить её со своим приятелем. Сказал, вы идеально подходите друг другу, он тоже любит железо тягать. Друга звали Василий и он действительно оказался в хорошей спортивной форме. Принёс вино и конфеты. А когда Ксения и Роман пошли на кухню жарить картошку, тут же полез к Алёне целоваться, а потом попытался на кровать её опрокинуть. Стол к одной из кроватей был придвинут. Она его хорошо пнула, что его совсем не охладило, и неизвестно, чем бы дело кончилось, – у этого Васьки была просто бульдожья хватка, – если бы Ксения с Ромкой в этот момент не вернулись. Вечер для неё был безнадежно испорчен, да и он как-то сразу утратил к ней интерес. Довольно быстро ушёл, сославшись на дела. Когда убирали со стола, Ксения поинтересовалась, ну, как он тебе? Никак, ответила Алёна. Хотела еще добавить, что лучше ни с кем не встречаться, чем с таким сексуально озабоченным козлом, но не стала при Романе усугублять обстановку. Переборчивые часто остаются старыми девами, изрёк допивавший вино Ромка. Но плевать она хотела на его мнение. Он сам недалеко от своего друга ушёл, ходят слухи о его похождениях. С Ксенией Роман не очень-то считается, и есть у Алёны подозрение, что встречается он с ней лишь пото-

му, что она ему ни в чём не отказывает. А на роль жены Роман подыскивает москвичку с жилплощадью. Впрочем, Ксения тоже в поиске. Да, с Ромкой мне хорошо, говорит она, но это не значит, что это конечная станция на этой ветке. Алёне такое счастье и даром не нужно. Не потому что она высоких моральных принципов, просто уж очень несимпатичны ей такие «рыщущие», желающие и тут перехватить, и там не упустить. И вообще, она очень даже верит в то, что по-настоящему и надолго людей сводит совсем не расчёт, а какие-то внутренние совпадения характеров, некая душевная и духовная общность, при которых размер груди и длина ног значения не имеют. Просто не всякий готов ждать такой встречи. Так часто бывает в жизни, – и это касается не только любви, – кто-то довольствуется тем, что под руку подвернётся, а кто-то хочет большего. Ксения же считает, что это полная белиберда и чушь, и пережитки феодализма. Высокоморальных парней просто в природе не существует. Если и были когда-то рыцари-джентльмены, то давным-давно повымерли, как мамонты. Сейчас самый последний замухрышка первым делом смотрит как раз на длину ног и на сиськи. И прикидывает, как далеко можно зайти. И ничего плохого в этом нет. А уж если парень симпатичный и понравился, то почему бы такое знакомство сразу не закрепить? Они с Романом так и поступили.

– Двенадцать, – произнёс парень, взглянув на часы. – Пора

перекусить. Тебя как зовут? – обернулся к ней.

– Алёна... то есть, Лена.

– А меня Сергей, – сообщил, поднимаясь. – Схожу за кофе. А тебе чай или тоже кофе?

Чай, решила она.

Интересно, означает ли что-нибудь знакомство в полночь? «Мы познакомились ровно в полночь в северном аэропорту, когда за окнами свистела метель». Звучит красиво. И в кино, наверное, смотрелось бы романтично. Но в реальности от такой романтики мало радости. В этом зале ожидания с огромными окнами до дрожи неуютно, сквозняки гуляют, руки-ноги подмерзают. Самочувствие после того как целый день просидишь в верхней одежде и почти без движения, – встанешь, тут же место займут, народу тьма, – прямо скажем, не очень. Так что выглядит она, конечно, не лучшим образом, несмотря на свои новые одежды. Знакомиться нужно на каком-нибудь вечере или на дискотеке, когда и одета и накрашена. Ну или в университетском коридоре, чтобы тут же пройти туда-сюда так, чтобы девчонки увидели рядом с нею такого красивого парня. Нет, ночь в аэропорту не лучшее место и время для романтического знакомства. Алёна вздохнула и сунула руку в сумку, пытаясь наощупь отыскать в ней сосательную конфету, она всегда носила с собой несколько карамелек, но на этот раз в кармашках было пусто. Видимо, конфеты кончились, а дома, где все каникулы она только и делала, что ела, о пополнении запасов

она как-то не побеспокоилась.

Сергей принёс чай и попросил подержать и его стаканчик с кофе. Открыл свою сумку и вытащил большой бумажный пакет. Запасливый. Алена отвернулась и сглотнула слюну.

– Пирожок хочешь?

Еще бы не хотеть! Отказываться, когда желудок пищит от голода? Ну уж нет. Она сунула руку в пакет и вытащила пирожок. Надо же, с повидлом.

– У нас такие в школьном буфете продавали.

– Да? У нас тоже. Бери ещё.

Сосед снова протянул ей кулёк.

Второй исчез также быстро как и первый. Удивительно вкусные пирожки.

– Ну и последний.

Нет-нет, хватит, – замотала головой Алёна. Она бы, конечно, и третий и четвертый одолела, но пирожок был последним в пакете.

– Значит, придётся выбросить, – вздохнул Сергей.

– Зачем выбрасывать? Сам съешь.

Выбрасывать еду, когда где-то кто-то голодает, просто преступление, закончила уже про себя. Вслух такое произнести язык не повернулся. Этот Сергей ещё решит, что она выпендривается. Хотя, на самом деле, она совершенно искренне так считала. Однажды, занимаясь в читальном зале библиотеки, увидела на стенде разворот какого-то журнала: большеголовые, с тонкими шеями, полуголые и даже голые

дети разного возраста с отчетливо проступавшими рёбрами под тёмной кожей сидели на земле с мисками в руках. Ложек не было, ели руками – то ли какая-то благотворительная организация, то ли миссия ООН привезла им какую-то еду. Впечатляющая была фотка. С тех пор у неё рука не поднималась выбрасывать продукты. Она даже в столовке складывала недоеденное в пакет, игнорируя удивлённые, а иногда и презрительные взгляды, и по пути оставляла эти остатки у мусорных баков – для уличных кошек. Тоже ведь живые и есть хотят.

«Ты прямо, как старая дева, – сердится Ксения, которую эта привычка почему-то сильно раздражает. – Они обычно помешаны на всяких кошечках-собачках». Алёна не помешана, она им просто сочувствует. Но Ксении этого не понять, потому что Ксения не сочувствует никому и ничему. И ни с кем не считается, было бы только ей хорошо. Это проявляется даже в мелочах. Никогда и никого не угостит, притащив из дому сумку с продуктами. Не одалживает денег, хотя они у неё, в отличие от многих в их группе, всегда имеются, поскольку родители у неё очень состоятельные. А уж как не любит убирать! Её, единственную дочь, дома никто и никогда не заставлял что-то делать, вот и выросла редкостной эгоисткой. Может часами сидеть на кровати, красить ногти или расчёсывать у зеркала свои длинные светлые волосы, и пусть вокруг хоть потоп. Стоит напомнить, что её очередь мыть полы, вспыхивает как спичка. Правда, это единственный по-

вод, по которому они ссорятся. В остальных вопросах конфликтов обычно не возникает, поскольку чужая жизнь Ксению также мало интересуется, как и мусор по углам комнаты.

Раньше с ними жила ещё Нина, страшная чистюля, которая убирала и за себя и за Ксению. Но недавно ушла к своему парню, и они остались с Ксенией вдвоём. Нина из Краснодара, а её Костя москвич. Повезло, ревниво вздыхает Ксения. Ей тоже хотелось в Москве остаться, но в этом плане ей пока не везет. Парней вокруг неё много, – у Ксении яркая внешность, – но подходящей кандидатуры для замужества пока нет.

Алену разбудил хлопок. Приоткрыв глаза, она увидела лежащий на полу журнал. Сергей наклонился и поднял его. Алена зевнула, зажмурилась, а когда снова открыла глаза, он уже не сидел, а стоял с сумкой на плече и смотрел на неё. Часы за его спиной показывали половину пятого.

– Лёд тронулся, отправляют, – он протянул ей журнал и, наклонившись, вдруг чмокнул в щеку. – Пока. Мне уже надо бежать. Объявили посадку.

– Счастливого полета, – пробормотала она, всё ещё плохо соображая.

Пара секунд и его уже нет. Только что сидел рядом и вот, исчез. Пропал, затерялся среди спешащих на посадку пассажиров. После чего не только рядом с нею образовалась пустота, но и внутри неё тоже. Мысль – она больше никогда

его не увидит! – вдруг больно кольнула. От этой мысли она проснулась окончательно. Не увидит. Потому что никаких контактов он ей не оставил. Появился из толпы и в толпе исчез. Хотя что тут такого? Почему она вдруг так расстроилась? Сколько их, всяких-разных знакомств случается в дороге! Она и сама не раз откровенничала с разными людьми, ни лиц, ни имен которых уже и не помнит. А у него этих случайных встреч так и вообще не счесть, он часто бывает в командировках. Нефтяник. Сам сказал, что сегодня он здесь, завтра там. Он уже, наверное, и забыл её. Может быть, уже знакомится в очереди на посадку с какой-нибудь новой девушкой и рассказывает ей всякие анекдоты из своей жизни.

Ладно, хватит канючить. Спасибо, что хотя бы разбудил. Она действительно могла проспять свой отлет. Вот-вот должны объявить посадку и на её рейс. Если, конечно, опять не заставят ждать. В любом случае, надо встряхнуться, надо подвигаться. Первым делом сходить в туалет. И умыться обязательно. Поёживаясь, она поднялась и тут вдруг объявили посадку на её рейс. Ладно, успеет.

Через полчаса Алёна уже сидела в салоне. Её место оказалось у прохода. У окна воевала с ремнём безопасности, пытаясь растянуть его, чтобы вместить своё необъятное пузо, толстая тётка в с недовольным выражением лица. Алёна пошарила руками по бокам, вылавливая концы и своего ремня. А ведь и в самом деле, мог бы, мог бы, ну хотя бы из вежливости номер телефона спросить. Впрочем, она ведь тоже

могла. Но не попросила. Потому что есть номер телефона или нет его – без разницы. Какой смысл? Она сейчас живёт в Москве, а он в Тюмени. Ну какой другой конец мог быть у их романтического знакомства? Но он ещё целую неделю будет в Москве, могли бы ещё разок встретиться, пискнула обида. Но совсем уже вяло пискнула. Забудь, посоветовал здравый смысл.

Алена чертила за столом графики, когда в комнату вошла Ксения с большой кружкой кофе в одной руке и с журналом в другой. Она только утром вернулась из своей Балашихи, куда ездила на выходных, отвозила бельё в стирку. Она никогда не стирала в общежитии.

Прищурившись, оглядела комнату и почему-то задержала взгляд на Алёниной кровати.

– Ну, и как он? – спросила с хитрой улыбкой.

– Кто? – подняла голову Алёна.

– Вот и я хочу знать, кто?

– Да о чём ты? – рассердилась Алена.

Ксения перевернула журнал.

– «Не хотел тебя будить. Обязательно позвони, жду!» – кривляясь, пропела. – Если уж хотела всё это скрыть, нечего было раскладывать журналы на самом видном месте!

Сердце у Алены вдруг прыгнуло вверх и забилось часто-часто. Она вскочила и выхватила у Ксении журнал. На обороте и в самом деле было написано размашистым по-

черком: «Не хотел тебя будить. Обязательно позвони, жду!»
И номер телефона.

Закусив губу, чтобы не рассмеется, Алёна отбила чечетку.

– Ну ты и дура, – покачала головою Ксения.

Ещё бы не дура! Самая настоящая! Так радоваться неизвестно чему! Подумаешь, номер телефона! Это ещё ничего не значит, совсем ничего.

Но где-то в глубине души она знала, что значит. Это значит, что она его снова увидит. И может быть, даже сегодня.

Ожидание

1

Матери в комнате уже нет, но в ушах все еще звучит её сердитый голос: вот придет отец! Он покажет, как по танцам-дискотекам бегать! В дневник заглянуть страшно! Десятиклассница!

– Страшно, так не гляди, – запоздало огрызается Фимка, выползая из-под тёплого одеяла. – Между прочим, получше некоторых успеваю.

И отцом нечего грозить, он Фимку никогда и пальцем не тронул. Да и наплевать ему на Фимкины успехи – приезжает домой со своей стройки раз в неделю от усталости пьяный. Ему бы только в баню, в парилку любимую, да выспаться. Отец вообще молчун, зато мать за троих пилит, как только не надоест...

Хлопает в прихожей дверь. Фимка облегченно вздыхает – ушла. Быстро натягивает спортивный костюм, тычет пальцем в кнопку магнитофона и идёт умываться, заглянув по пути на кухню. На столе горка жареной рыбы, консервированный салат, брусничный морс. Опять! Изо дня в день одно и то же. Конечно, каш Фимка терпеть не может, но и рыба надоедает. В ванной она долго разглядывает себя в зерка-

ло. Настроение постепенно улучшается. Хорошо – каникулы! Можно до обеда валяться в постели, но почему-то не хочется. Жаль тратить время на сон. Сделать бы с утра что-нибудь такое... Гремит музыка, Фимка, пританцовывая, на ходу ковыряет бочок палтуса, отправляет в рот ложку салата. Можно сбегать к Ваське, послушать новые записи, которые ему на днях прислали. Или в «Промтовары» заглянуть, вдруг выбросили что-нибудь новое-интересное? Покупать ей нечего, но нравится толкаться среди людей, глазеть на витрины. Хотя, будь у неё деньги, конечно, не помешало бы магнитофончик новый приобрести. Этот времен отцовской молодости, старьё такое, что даже даром, на запчасти никто не возьмёт.

Фимка моет посуду, вытирает стол. Разделавшись с уборкой, возвращается в комнату. Включает телевизор, хотя и знает, что в такую рань, в девять утра, ничего хорошего там быть не может, так, гонят какие-нибудь научно-популярные фильмы, какую-нибудь муру. Фимка присаживается к столу. Письмами, что ли заняться? Она достаёт красную папку, выклянченную у матери в бухгалтерии, развязывает тесёмки и раскладывает перед собой голубые конверты без марок. Уже четыре письма написал, надо же! Не очень-то у них там на флоте весело – вон какие длинные. Губы у Фимки расплываются в дурацкой улыбке. Но это ровным счетом ничего не значит. Не такая она безмозгая, чтобы придавать этой переписке особое значение. Прекрасно знает, есть такие лю-

бители – пятерым девчонкам сразу пишут, фотографии коллекционируют. Этого Володю Фимка и в глаза не видела, может, он парень и ничего, но может и из таких вот коллекционеров... А все равно, получать длинные письма очень приятно. Фимка отыскивает последнее и долго читает, время от времени останавливаясь, рассматривая фотографию бравого морячка в бескозырке. Еще осенью Ветошкина принесла в класс номер военной части, в которой служил её брат, и предложила, – ну так, смеха ради, – написать. Написали. Трое или четверо. А ответ получила одна Фимка. Длинный такой ответ и фотография в конверте. Конечно, и она свою фотку тут же послала.

«Здравствуй, Володя! Извини, что долго не писала, – Фимка поднимает голову и любуется ровной, красивой строчкой. Пусть она, по словам матери, и лодырь, каких свет не видел, но ни у кого, ни у кого в классе нет такого четкого, такого замечательного почерка. Даже у Кирюхиной. Отличница! Фимка фыркает – царапает, как курица лапой... «потому не писала, что были каникулы и...». А почему, действительно? Сначала готовились Новый год встречать – обычная суматоха. Состряпали сценарий: прибытие инопланетян, их знакомство с землянами. «Огонёк» получился что надо! Фимка была инопланетянкой. Специально для неё Васька в Доме культуры выпросил серебристый костюм и красные сапоги. Ветошкина, правда, подпортила настроение, высказавшись насчёт этих сапог. Съязвила что-то по поводу мар-

сианского ансамбля «Красны девушки». А всё потому, что ей роли не досталось. А какими трюками этот прилёт обставили! Даже директрисса, мамонт по имени Миранда, хохотала до слез, сидя в первом ряду.

Нет, каникулы – это не оправдание. Именно на каникулах только и гулять, да письма писать. Фимка смотрит в окно. Посёлок в сумерках – как полупроявленная фотография. Снежно-серые крыши одноэтажных деревянных домов со слабо дымящими трубами, жёлтые квадратики окон, редкие фонари. Заваленная горбатыми сугробами улица карабкается вверх и теряется в сумраке заснеженного леса Кривой сопки. И нигде ни души. Кому нужно, те уже на работе, а остальные отсиживаются по домам. Мороз.

Вздохнув, Фимка возвращается к написанному: «были каникулы...».

– И я уезжала, – говорит Фимка вслух.

И неожиданно для себя самой добавляет: на юг.

– На юг. На юг...

Какой юг? Почему на юг? Непонятно.

Тем не менее, действительно, почему бы ей куда-нибудь не уехать на каникулы? Взяла да и уехала. Выводит: на юг. И снова смотрит в окно. Неужели где-то на самом деле сейчас тепло? В голове не укладывается. Где-то тепло, а здесь... Господи, ну почему у неё в этом «где-то» не проживают какие-нибудь родственники, чтобы и можно было ездить в гости? Хотя, конечно, и по путёвке можно. Как ездила в про-

шлом году в Крым и на Кавказ их соседка с третьего этажа Анна Ивановна, Аннушка. И Ветошкины ездили всей семьей в какую-то Анапу. Эти вообще постоянно куда-нибудь ездят. Многие выезжают отдохнуть и отогреться после поллярной зимы. Только Фимкины родители сидят здесь и зимой и летом как приклеенные. Мать, видите ли, дорогу плохо переносит, а отец... Тому вообще, кроме озёр и рыбалки ничего во время отпуска не надо. В прошлом году вообще обалдел, купил на отпускные моторку и завёз их с матерью на целую неделю на Лосиный остров комаров кормить. Чтоб, значит, грибы да ягоды собирали, пока он со своими удочками и самоловами возится. Нет, не то чтобы Фимка лес не любила. Но всему же мера должна быть! Под конец она тогда чуть не взвыла – палатка тесная, комарьё, мошка, спишь в одежде. Дождь пошёл, стало холодно. Вернулись с матерью с опухшими от укусов лицами, с изрезанными и исколотыми каждодневной чисткой рыбы руками – отдохнули! После того отдыха неделю в себя приходили. Правда, прошлым же летом ездили к бабушке в деревню. Но и там все развлечения – тот же лес, озеро, такие же болота, куда за клюквой ходили. А в город всего раза два и выбрались. Мать быстро уставала от шума, беготни, раздражалась и, сделав покупки, торопилась на электричку. Только и воспоминаний толпы людей, да магазинные очереди. Уговорить мать съездить в Питер просто так, чтобы погулять свободно, без этих утомительных заходов в гастрономы и универмаги, было невоз-

можно. Обещала свозить в Эрмитаж, но простудилась и Эрмитаж отпал. Одну Фимку не отпустили, сколько ни просила. А ей, одной-то, без матери было бы только лучше. Никто бы не брюзжал под ухом, не учил бы жизни и можно было бы долго-долго бродить по Невскому, разглядывая людей, здания, чувствуя себя частицей какого-то бесконечного потока. Фимке вообще нравится бродить просто так, без цели. А город с его разнообразием и шумом, широкими и высокими улицами, памятниками и причудливыми зданиями, просто околдовывал. На каждом углу поджидало что-то новое, необычное... Конечно, можно и устать. Но что такое усталость? Выспишься и всё пройдет. А ощущение праздника, какой-то весёлой и, одновременно, деловой суеты, – к которой так хотелось быть причастной! – оставалось.

Фимка завидовала матери, та училась в Ленинграде. Там познакомилась с отцом и вышла замуж. Там, между прочим, и Фимка родилась. Родилась-то родилась, а города родного не знает. Да и вообще нигде почти не бывала. Нет, дайте ей только закончить школу! Никогда она не будет такой домохозяйкой, как мать. Она будет путешествовать, везде бывать, как Анна Ивановна, Аннушка с третьего этажа. Совсем молодая, да и зарплата не ахти – хором руководит в Доме Культуры, а там известно, какие зарплаты, – а каждое лето, каждый отпуск куда-нибудь ездит. Даже в Чехословакии была и в Финляндии. А уж в Крыму и в средней полосе не раз, не два. Да, Анна Ивановна – вот кто поможет Фимке с этим

письмом! Фимка срывается с места, но тут же снова шлёпается на стул. Уехала Аннушка, повезла свой хор в область на какой-то конкурс, вчера соседка, старая Стрючиха, говорила матери. Тоже собиралась поморские свои песни петь, а муж не пустил: неча, говорит, на старости людей смешить, дома, вон, пой, возле печки, коли охота есть.

Нет, придётся Фимке самой с этим югом разбираться. Карту, что ли, посмотреть? Куда же атлас задевался, вчера ещё валялся на виду... А, вот он. Фимка листает старый атлас, но ничего подходящего, что хоть как-то бы поведало ей о южной жизни, не находит. Масштаб мелкий. А что она сама знает о тех теплых краях? Вот Сочи. Говорят, там пальмы растут. Вот Крым. Только и слышала названия городов: Ялта, Симферополь, Евпатория. Севастополь – город-герой и Керчь город-герой. Это проходили в школе. Вот все эти города на карте. Черные точки, одни помельче, другие покрупнее. А как живут там люди, не разглядишь. Какие они там, у Чёрного моря? Такие же, как здесь, на Белом? Побывать бы и в самом деле. По телеку вот показывали, вместо снега там зимой дождь.

А этот Володя из Костромы. Тоже большой город. Фимка берет в руки фотографию.

«...ездила по путевке в Крым. Там стояла ужасная теплынь, – Фимка смотрит на запорошенную снегом ель за окном, рябинку в инее, молочные разводы по краю оконного стекла, – мы ходили без пальто. А Чёрное море немного по-

хоже на Белое. Только совсем не замерзает». Дальше, сколько Фимка не напрягает воображение, дело не идет. Но мысль о том, что она провела зимние каникулы на берегу Черного моря, ей ужасно нравится.

Вечером Фимка собирается в клуб. Напевая, натягивает красное платье, сшитое на заказ в быткомбинате специально к Новому году, прикладывает к груди янтарные бусы матери. Очень даже ничего, ей идёт. Хорошо все-таки, что Миранда Иванна разрешила старшеклассникам ходить на танцы во время каникул. Они-то, конечно, всегда ходили, ходят и будут ходить на дискотеку, но в учебное время обязательно кого-нибудь выставят для острастки дежурные учителя, которые вместе с родительским комитетом – вот делать всем им нечего! – бродят по субботам по домам особо «отличившихся» и, время от времени, заглядывают в Дом культуры или в клуб.

Фимка красит ресницы, накладывает тени. Приятно чувствовать себя взрослым, что ни говори. После минутного колебания из-под шкафа выуживаются сапоги в фирменной коробке. Мать их не носит, и вряд ли будет носить – каблуки высокие, у нее от них ноги болят, а Фимке и каблук в самый раз. Сапожки австрийские, мягкие. Можно попользоваться, пока мать пошла к Стрючихе, консультироваться насчет своего радикулита. Стрючиха лечит травами и консультации у неё дело долгое. Фимка всё крутится и крутится перед зеркалом, когда тоненько тренькает в прихожей звонок и сразу же в дверь протискивается Алька Ветошкина. Они

с Алькой не то, чтобы очень уж закадычные подруги, но с кем ещё пойдешь на дискотеку? Другие девчонки живут далеко, а Ветошкина рядом.

– Ну, скоро ты?

– Сейчас-сейчас! – Фимка последний раз забегает в спальню, ныряет в шкаф.

Последний штрих. Ей нужны любимые материны духи, «Сигнатюр», но их нигде нет. Уже! Упрятала подальше. Ну и ладно, ну и обойдемся, ворчит Фимка, можем и другими попользоваться... Ветошкина, потев в дорогой шубе, злится и поторапливает. Фимка быстренько влезает в свое пальто, натягивает вязаную шапочку, с завистью покосившись на рыжую алькину лисицу. Чудо, а не шапка. Такой второй нет ни у кого из девчонок. И понятно, отец Ветошкиной не какой-то там дорожный инженер, он рыбокоопом заправляет. Но ничего-ничегошеньки не может сейчас испортить Фимке настроение. Пересмеиваясь, они с Ветошкиной бегут по улице. Под фонарями, в ярких конусах света, празднично кружатся снежинки, а вот и музыка уже слышится, доносится издалека от старого деревянного клуба, уже видны его полузамерзшие окна. Есть в посёлке новый Дом культуры, недавно построенный, но стоит он на краю поселка, где пока ещё только строятся две новых пятиэтажки и новый магазин, громко именуемый торговым центром. Говорят, через несколько лет там вырастет целый новый район. Но когда это ещё будет! А пока его нет – нет и котельной для этого района, а старая едва

обогревает больницу да те дома с центральным отоплением, что уже построены. Так что в этом новом клубе холод жуткий, зимой – пар изо рта, какие уж там танцы! То ли дело, в старом клубе, привычно топимом печами. Тоже не жарко, но раздеться можно.

И Фимка с Ветошкиной раздеваются, вместе с другими девчонками бросая пальто на стол и стулья в кабинете завклубом. Те, кто принес туфли, тут же переобуваются. Парни уже вынесли из зала последние ряды стульев в крошечное фойе, по-простому – в «предбанник». Другие тут же, в «предбаннике» курили, переговаривались, делились местными новостями. В самом зале в углу сцены колдовал над аппаратурой Васька, что-то там подкручивал и настраивал. Пока же, для затравки, звучала какая-то незамысловатая танцевальная музыка.

– Видала? – насмешливо тянет Ветошкина. – Просто так и не подходи, ва-а-ажный. А вызовет Миранда на ковер...

Фимка не слушает. Она пересекает зал, чтобы быть поближе к сцене, где лучше слышимость, где ярче сияют радужные огни Васькиной цветомузыки. Васька кивнул ей и оглядел зал. Выключил верхний свет, оставив только лампочку у входа и на сцене. Поправил колонку. И сменил музыку. И все парни сразу потянулись из «предбанника» в зал. Танцы начались.

– Тотто! – Алька прикрыла глаза, как будто песней наслаждается и ей все равно, пригласят её танцевать или нет.

Даже головой начала покачивать в такт – полное равнодушие к окружающим, – она слушает Тото Кутуньо. А может быть, так оно и есть. Алька любит музыку, дома у неё куча всяких записей и пластинок.

Рядом пёстрая компания девиц тут же организовалась в танцующую группу. Фимка с Ветошкиной оказались задвинутыми в угол. Одна из девиц, Зиночка-официантка, в блестящих розовых штанах кивнула Фимке – давай, мол, к нам! Фимка улыбнулась, но осталась стоять, делая вид, что высматривает кого-то из своих. Танцующих становилось все больше. Мелькнул Макаров, Иванчук из фирминого класса. Эти всегда неразлучны, как и близняшки, сестры Стрельцовы, танцующие с ними. Стоять было неловко – надо было все-таки пойти, когда звала Зиночка, – не танцевать же с Ветошкиной, которая только и умеет топать как слон.

Неожиданно кто-то взял её за руку. Фимка резко оглянулась, что еще за фамильярность такая? Коротко стриженные волосы, галстук на белой рубашке. Ого-го! Откуда такой взялся? Фимке показалось, что она уже видела это лицо. Хотя нет, парень скорее незнакомый, но разве в такой полутьме с цветным миганьем толком разглядишь? Хорошо, что её пригласили! Вот главное. Значит, не считают уже малявкой. Фимка довольна, почти счастлива. Проходя мимо Васьки, взмахивает приветственно рукой – пусть видит. Но Ваське не до того, смотрит отсутствующим взглядом, ему всё равно, кто там с кем танцует, кто кого пригласил. Он делом за-

нят. Пусть об этом сейчас никто не думает или не помнит, но что бы все эти друзья делали без него? С тех пор, как оркестр ушёл в новый ДК, а Сеньку Арбузова забрали в армию, именно он, Васька, крутит здесь музыку, что бы там ни говорили. Родителей, правда, поначалу таскали в школу. Миранда призывала к порядку, какая, мол, музыка, если Васька пока только десятиклассник и ученик вверенной ей школы? Что-то там о нравственности говорила и режиме дня. О режиме дня! Вроде он первоклассник какой-нибудь! Но потом с ней поговорил завклубом и попросил, – ну, в виде большого исключения, – иногда разрешать Василию бывать вечерами по выходным в клубе. Мол, больше некому сейчас музыкой заниматься. Слушать пластинки столетней давности и, тем более, танцевать под них никто не будет. Ну, разве что иногда, неохотно согласилась Миранда. С тех пор Василий здесь вполне легально. У него и записи и цветомузыка – всё на высшем уровне. Радиотехника его конёк и единственное увлечение – были бы возможности и детали, он бы здесь такое сделал, что... Ладно, придёт время он и сделает. А пока пора поставить что-нибудь более динамичное.

Ох, это же любимая Фимкина – «Я с тобою»! Фимка чувствует, как замирает сердце, бегут по коже мурашки – как поют! – а партнёр её вдруг исчез, растворился в цветном сумраке, не сказав ни единого слова. Но какая разница, с кем танцевать? Отвлекся на несколько минут от своих кассет

Васька, подошёл. Главное, она не стоит у стены, как некоторые расфуфыренные дурочки или слонята вроде Ветошкиной. И Васька парень ничего, но только никак невозможно принимать его всерьёз – заурядный, обычный, они знакомы чуть ли не с детского сада, и сидят за одной партой. Пусть он в своей физике-химии спец, каких нет больше не только в школе, но и во всем посёлке, Фимке он неинтересен.

«С тобою, любимый, всегда я с тобой, и пусть ты не знаешь об этом. Зимой, любимый, холодной зимой и праздничным ярким летом». Музыка уносит Фимку далеко-далеко, и нет уже полутемного зала с деревянным выщербленным полом, исчезли окна с мятыми плюшевыми шторами, тускло мерцающими в свете мигающих фонарей – есть только музыка и два голоса, высокий и низкий – переплетаясь, они зовут, увлекают в мир совсем непохожий, далекий от этой скучной и однообразной жизни...

Ах, как танцует Фимка! Все забывает. Жаль только, что быстро кончается песня и нужно открыть глаза и снова увидеть конопатую Васькину физиономию с рыжими кошачьими глазами, с капельками пота на лбу. А Фимка возвращается к Ветошкиной, уныло подпирающей стену. Но не успевает перекинуться с ней и словом, как вновь возникает перед нею тот самый парень с немислимой стрижкой столетней давности и в галстук, единственном, наверное, на весь зал. Снова звучит мелодия, на этот раз поют на английском, и новая музыкальная волна подхватывает Фимку, снова в груди хо-

лодок и мурашки по телу – такая задорная, весёлая мелодия! Чувство ритма у Фимки что надо. И вообще она... Знаменитая актриса, поющая и танцующая так, что в зале поднимается рёв, и стулья ломают от восторга, когда она выходит на сцену! Но ей и на это наплевать, потому что на сцене для неё не существует ничего – ничего, кроме музыки и послушного ей тела...

– И откуда ты такая взялась?

Не понять, насмешка в голосе «галстука» или восхищение. И Фимка не отвечает. Прикрыв глаза, она вся в движении – не два-три заученных перед зеркалом па, а легко, легко, свободно и непринужденно. «Галстук» повторяет вопрос и Фимка досадливо морщится. Откуда – откуда! Какая разница, откуда! От верблюда. Какое это имеет значение здесь и сейчас? Она есть и будьте довольны, как довольна она. Разве она плохо танцует? Или в ней что-то не так?

– Спишь или балдеешь?

Да он зануда, этот «галстук»!

– Не обижайся... здорово это у тебя получается. Ну, буги-вуги эти.

То-то же.

– Зато у тебя не очень, – задирается Фимка в отместку.

«Галстук» смеётся. Или Фимке кажется, что смеётся – блики, мощный шум из усилителей. И ответа почти не слышала – показалось, он сказал что-то вроде «давно не бывал». Не бывал – так не бывал, ей-то что? С розовыми щека-

ми, слегка запыхавшись, Фимка выбирается из толпы. «Галстук» на этот раз не исчезает, оказывается рядом.

– Я тебя раньше здесь не видел.

А я тебя, хотела сказать Фимка, но что-то её останавливает. Она не может решиться на «ты». Васька дал полный свет и теперь ясно, что «галстук» куда старше, чем казался сначала. И, наверное, намного, может быть, даже лет на десять. Как для неё – почти старик.

– Школьница, что ли? – догадывается «галстук». – Или приехала недавно?

Фимке нравится последнее предположение, но врать она не умеет. Да и не успевает ничего придумать – натывается взглядом на Альку. Та делает какие-то знаки. Ну, чего ей? Поговорить не даст с человеком.

– Ефимова! Ленка!

– Ты, что ли, Ефимова? – Похоже, «галстук» удивлен. – Ефимова, значит... Так это твой батя дорогу тянет?

– Мой, а что? – Ну, Ветошкина, погоди!

Детский сад, читает Фимка а глазах «галстука»

– Работал я у твоего отца, вот что. А вы в пятиэтажке живете? – Он еще и уточняет! – В одном подъезде с... с Дороган, точно?

Точно-точно, с Анной Ивановной. Сейчас ещё и этаж назовет и номер квартиры. Всем, всем здесь всё известно! Как можно жить в поселке, где тебя знает каждая собака, где никогда ничего не происходит, где все так пресно и скучно?

– Угадал, – злится Фимка. – Исключительно точные сведения. Действительно, в одном подъезде с Анной Ивановной, могу познакомить!

«Галстук» улыбается, насмешливо и снисходительно.

– Тебя подружка зовет.

Ветошкина уже рядом. Суетливо тянет Фимку за рукав. Выйти? Зачем? Сейчас новый танец начнется. Неужели нельзя сказать здесь? Но от Ветошкиной непросто отвязаться. В «предбаннике», отдыхая от толчеи, заядлые курильщики ожесточенно поглощали никотин. Фимка поморщилась, она не переносила дыма.

– Ну, чего тебе?

Глаза у Ветошкиной как две плоски.

– Ленка, ты хоть знаешь, кто это? Знаешь, перед кем выпендриваешься? Это же Бочаров!

Алька кажется не на шутку встревоженной, а то бы Фимка ей показала, кто выпендривается.

– Какой ещё Бочаров?

– Господи, ну тот самый! Помнишь, следователя наша Лиль Сергеевна приглашала на классный час? Он случаи разные рассказывал. И про этого Бочарова тоже... Книжки редкие таскал из райбиблиотеки и штампы выводил. Вспомнила? Два года дали, теперь, значит, вернулся с «химии»...

– С какой «химии»? – ошарашенно спрашивает Фимка.

Эту Ветошкину хлебом не корми, дай человеку настроенные испортить.

– Ой, смотрит! Вышел и смотрит! Пошли домой, Ленка! Ещё привяжется.

– К тебе не привяжется, – тихо говорит рассерженная Фимка. – И вообще, Алина, рано тебе ещё на танцы ходить. Дома надо сидеть. И в девять спать ложиться.

Она повернула обратно в зал. Обиженная Ветошкина, пыхтя, топала следом.

– Зря ты, Ефимова, злишься. О тебе же беспокоюсь. Рассказывали, одна связалась с бывшим угодом... с таким вот, потом не рада была.

Как хорошо, что в зале много народу и шумно, не слышно Алькиных «случаев из жизни». Мёдом человека не корми, дай другому настроение испортить. Засуетились девчонки – Васька объявил белый танец. А Фимка почувствовала вдруг, как неудобны высокие каблуки. Зря туфли не взяла. И танцевать расхотелось – жарко, душно.

– Доложили уже? – «Галстук» возник рядом так неожиданно, что Фимка вздрогнула.

– О тебе, что ли? О тебе и так всем в посёлке все известно, – с вызовом ответила Фимка, чувствуя, как неприятно ноет под ложечкой. Сейчас начнет оправдываться. Или, что ещё хуже, скажет что-нибудь такое...

Но Бочаров ничего не сказал, улыбнулся своей снисходительной, полупрезрительной улыбкой и отвернулся. Смотрел в толпу танцующих, будто искал или ждал кого. А Фимка, стоя рядом, чувствовала себя несчастной и обманутой. Ни-

чего-то она из себя не представляла, ничего не значила. Пустое место, малявка, с которой и говорить не о чем.

А народ заторопился, потянулся к выходу – не заметила Фимка, что уже перерыв, Васька дал полный свет и выключил музыку.

Урок физики всё тянулся и тянулся, прямо как резиновый. Васька, решивший три варианта, доделывал четвёртый – для Фимки. Фимка рисовала чертиков. Глазеть в окно и даже просто сидеть, положив ручку, было опасно – Миранда, приспустив очки на кончик носа, была настороже, глядела, что называется, в четыре глаза. Вот и приходилось прилежно склоняться к тетради и рисовать, ожидая, пока Васька выдаст решение. Самой ей с такими задачками не справиться. Не по зубам орешки. Да и не нужна ей эта физика. Но получать вторую двойку подряд в начале третьей четверти как-то тоже ни к чему. Миранда обязательно выскажется Лиль Сергеевне, та позвонит матери... Цепная реакция. А чего звонить? Как будто мать сможет научить Фимку решать эти чёртовы задачи!

Васька пододвинул листок. Ну вот, наконец-то! Фимка облегчённо вздохнула и принялась торопливо переписывать. Всё же Васька молодчина и настоящий товарищ – не даст пропасть. И что бы она без него делала. Все эти математики, физики, химии – ну, не для Фимкиных они мозгов. Всякие задачи, теоремы, уравнения... Скорее бы кончился учебный год. Никогда в жизни, никогда больше не будет она заниматься всякими дурацкими формулами! Может в парикмахеры и не пойдёт, но и программистом или физиком быть не соби-

рается. Вообще, профессию себе с умом выберет. Мать, вон, сунулась в техникум наобум, выбрала, какой к дому поближе, и что? Корпит теперь целый день над бумагами и всё считает, считает что-то в своей бухгалтерии. А её одноклассница, между тем, стала актрисой и довольно известной. В классе над ней смеялись, когда говорила, что хочет сниматься в кино, – очень уж обыкновенной была, по словам матери. А вот пожалуйста! Обыкновенная – обыкновенная, а знала, куда пойти учиться. Живёт теперь в Ленинграде, часто снимается в разных фильмах и телеспектаклях.

Фимка тоже будет жить в Ленинграде. В конце концов, она там родилась. Хватит с неё северных поселков. Сколько себя помнит, всё кочуют. Закончит отец строительство одной дороги – обязательно где-то рядом, здесь же, на Севере, нужно строить другую. Не-ет, Фимка найдет себе хорошую работу – никаких дорог-переездов, никакой бухгалтерии...

Перед самым носом пролетел бумажный комочек и шлепнулся на па парту. Записка от Ветошкиной. Ага, тоже мается, ничего не решила – Фимка, выручай. У самой снега зимой не выпросишь, а уж списать что-то там и просить бесполезно. Но Фимка великодушно кивает: ладно, сейчас. Немного осталась, спишу – передам. Быстрее, шипит Ветошкина, урок кончается. Вот, всегда так: то время едва-едва тянется, то летит. И будьте уверены, когда каждая минута дорога, у него космическая скорость. Ну, совсем немного осталось. Звонок прозвенел неожиданно.

– Сдаём тетради! Не задерживайте, а то не возьму! – Миранда нависает как глыба.

Фимка едва успеваает спрятать Васькины каракули. Обращивается к Ветошкиной, разводит руками – не получилось, сама едва успела.

– А ты что, совсем ничего? Ты ж говорила, задачи эти – нечего делать... Ни одной?

Ветошкина с красным сердитым лицом пыталась втолкнуть «Физику» в набитую до отказа сумку.

– Представь, совсем!

– Да не злись ты.

– Ничего не решила, – зло повторила Алька, – у меня же нет таких поклонников, как у тебя – ни математиков, ни... ни воров!

Фимка остолбенела.

– К-каких... воров?

– Таких! Которые с танцев провожают и в подъездах крутятся.

Ну, Ветошкина, ошалела!

– Какие подъезды? С каких танцев? Мы же вместе домой шли, – едва нашлась Фимка.

Ветошкина мстительно шурилась.

– Между прочим, соседи из квартир выходить боятся по вечерам, когда дружок твой дежурит. Бабка Олимпиада вчера без хлеба, между прочим, осталась! Сунулась выйти, а он по лестнице поднимается!

Ветошкина в запале почти кричала. Те, кто еще оставался в классе, заоглядавались. Хорошо, что Миранда ушла, пронеслось у Фимки в голове. А Васька, Васька уставился! Удивленно таращилась Кирюхина.

– Ленка, ты что... с этим встречаешься?

Фимка почувствовала, как качнулся под ногами пол. Красное лицо Ветошкиной покраснело ещё больше, капельки слюны застыли в уголках рта, жирно блестел нос. Видеть это лицо, широкое, плоское, с прыщиками на подбородке, было невыносимо. Чувствуя, что ещё минута и она или разревется на виду у всех, или вцепится в редкие Алькины волосы, Фимка круто развернулась и выбежала из кабинета физики. Без единой мысли, с грубым, жгучим комом в горле, слетела по лестнице со второго этажа, быстро оделась в раздевалке, застегнула кое-как непослушными пальцами пуговицы и оказалась на улице. Ноги сами несли её куда-то вниз по тропинке к заливу.

Шлепнувшись на крутом спуске, Фимка как будто опомнилась, остановилась – портфель оставила, книги. Но тут же заскользила дальше. Ну и пусть. Пусть! Как они пялились на неё! Как слушали, разинув рты, это гнусное вранье! Как будто не знают что такое Ветошкина! Пусть и живут с этой гнусной сплетницей рядом, а она никогда не вернётся в этот класс, в эту школу!

Залив был покрыт плотным бугристым панцирем, прорезанным у берега широкими и глубокими трещинами, полу-

засыпанными плотным хрустящим снегом. Узкая тропа вела на противоположный берег, где темнел еловый лес, и откуда слышался далекий и слабый рык тракторов. Там строил дорогу отец. Восемьдесят километров, отделяющих поселок от железнодорожной станции. Трасса через болота и густую чащобу. Эх, папка, папка! Мало, что ли, строят по стране дорог? Обязательно надо было забраться сюда, в самую глушь. Зимой самолётом только и выберешься, да и то, если только погода лётная. Бывает, почту разносят раз в десять дней. И одна-единственная школа, даже перевестись некуда. И десятый класс один. Только Фимка туда не вернётся. Так и скажет матери! Пусть что хотят с ней делают – не вернётся.

Но Ветошкина! Откуда в человеке берется столько дряни?

Дневные сумерки сгустились до ночной темени, когда Фимка вернулась домой. Спотыкаясь от усталости, поднялась на второй этаж, ковырнула ключом замок. Наверное, уже не меньше шести – того и гляди явится с работы мать. И если Лиль ей позвонила... впрочем, какая разница. Фимка и сама всё расскажет. И твёрдо будет стоять на своём – в школу она не вернётся.

– Лен...

На площадке между вторым и третьим этажами сидел на подоконнике Васька. Рядом валялся Фимкин портфель. Спасибо, принёс. Фимка подождала, пока портфель оказался рядом, протянула вялую руку: давай.

– Зайти-то можно? – поинтересовался Васька.

– В другой раз.

– Ну, подожди. Мне нужно тебе что-то сказать.

– В другой раз и скажешь, – Фимка зашла в прихожую и попыталась захлопнуть дверь.

Поговорить. Дудки! Хватит разговоров, потом сплетен не оберёшься. Наверное, будет уговаривать простить Ветошкину. Или выпрашивать... Нет, она для себя уже всё решила. И говорить больше не о чем. И совсем нет сил.

– Пусти дверь! – идиот, всунул ногу, не закрыть. Фимка налегла на дверь.

– Фимка, два слова. Ветошкина дура, она не знает ничего... Да открой же, чтобы я не орал на весь подъезд. Фимка!

– Я тебе не Фимка! Взяли моду, а у меня, между прочим, имя есть!

На её счастье кто-то поднимался по лестнице и Васька убрал ногу. Дверь сухо щелкнула замком.

С вершины сопки весь поселок как на ладони. Низкое январское солнце насквозь просвечивало заросли маленьких кривых березок, улицу, одним концом упиравшуюся в вытоптаный в снегу пяточок перед бревенчатым магазином. С другой стороны петляла по лесу меж ёлок и сосен дорога, а по ней, взвывая, ехал КаМАЗ с яркой, охряной кабиной. Это была единственная машина, которая способна была добраться с железнодорожной станции своим ходом по недостроенной трассе. Иногда на такой приезжал домой отец. Фимка вспомнила – сегодня же суббота. Вдруг, действительно, отец? Машина, проехав еще поворот, остановилась как раз у пятиэтажки. Фимка напряженно всматривалась, стараясь разглядеть, кто же вышел из кабины. Но с такой высоты разве разглядишь. К тому же деревья мешали, так и не разобрала. Интересно, сколько сейчас времени? Наверное, не больше двенадцати. Ну да ладно. Фимка выбралась к спуску, поправила крепления и понеслась по лыжне вниз. Эх, катить бы вот так и катить на высокой скорости! А потом оторваться от земли и парить над лесом, заливом, домами посёлка, в беспорядке разбросанными по взгоркам и сопкам вдоль залива. Покружить над единственной более-менее прямой улицей с её деревянной мостовой и дощатыми тротуарами и... и конечно, свалиться, влететь с размаху в су-

гроб, запутавшись в собственных ногах. Нечего витать в облаках!

Выбравшись из сугроба, Фимка кое-как отряхнулась, сняла лыжи и побежала к сараю, где отец хранил свой мотоцикл, рыболовную снасть и всякие железки. Открыв непослушными, застывшими руками замок, бросила в угол лыжи, прихватила спрятанный портфель, заперла дверь. Сегодня уже третий день прогулов. Так и не решилась поговорить с матерью начистоту. Поговори с ней... А сегодня она вообще дома, выходной у неё, с утра уже прицепилась: проспишь да проспишь. Пришлось изобразить уход в школу. В обычные дни мать уходила раньше на работу, и Фимке удавалось незаметно отсидеть время уроков дома. Но суббота есть суббота, потому пришлось взять потихоньку лыжи и катить затемно на тот берег. Хорошо пришлось побегать – стоял морозец. Хоть не без пользы для здоровья, утешала себя Фимка, скользя по проложенной кем-то лыжне. Только бы не встретить никого, только бы...

А если это не отец? Что она скажет матери по поводу такого раннего возвращения из школы? Фимка вошла в подъезд и остановилась. Надо сначала что-нибудь придумать. Но придумать не успела – кто-то летел сверху, перепрыгивая через ступеньки. Это не мать, но... Нос к носу столкнулась с Бочаровым. С «галстуком». Значит, правда, толчётся в подъезде. Сердце у неё замерло от испуга. Если дойдет до матери... Со страху Фимка оцепенела, стояла как исту-

кан посреди прохода, и даже не поняла сразу, что у Бочарова в руках. А когда сообразила, как замороженная устawiлась на букет, покрытый хрустким прозрачным целлофаном и страх её как рукой сняло. Цветы. Белые. В такое-то время, в середине января! Их можно было купить только в городе, в областном центре и стоили они, наверное, уйму денег. Неужели это ей?

Увидев Фимку, Бочаров как будто обрадовался.

– О, хорошо, что тебя встретил! – Он протянул ей букет, и Фимка машинально взяла его. – Ты точно здесь живешь?

– Точно...

– Значит, так: передай это Аннушке и скажи: от Славки. Нет её сейчас дома, а я спешу, некогда ждать, на машине я. Так передашь, а?

Вот кто, значит, на КаМАЗе! А Фимка, глупая, радовалась, подумала, что отец. Она хмуро посмотрела на букет, вздохнула и, ничего не ответив, стала подниматься по лестнице.

– Аннушке! Анне Ивановне, с третьего этажа, – крикнул снизу Бочаров. – От Славки скажешь, вернулся, скажешь, из командировки!

Вернулся из командировки! Фимка почувствовала себя глубоко обманутой. Почему, почему так – кому-то цветы, а кому-то, можно сказать, слёзы? И всё из-за него, из-за этого Бочарова, «галстука» несчастного! Из-за него у неё такие неприятности, а он бы, несмотря на то, что танцевал с ней,

даже и не заметил бы её и не узнал бы, встретив на улице, не живи она в одном подъезде с его любимой Аннушкой.

Уехать! Будь что будет, она должна поговорить с матерью. И прямо сейчас, не откладывая. Не маленькая, уже способна, между прочим, решать сама, что ей делать и как жить дальше. Фимка нажала кнопку звонка. Никто не открыл. Дома, что ли, матери нет? Вот почему Васька ждал её на площадке. Отперев своим ключом дверь, Фимка влетела в прихожую, швырнула на пол портфель и пнула его ногой. Ладно, она подождёт, но всё равно разговор состоится сегодня же – надоело дрожать и прятаться. А букетом этим лучше всего подмести пол. Но вместо этого, Фимка почему-то достала с полки хрустальную вазу и развернула целлофан. Какие странные цветы – никогда она таких не видела. Как будто искусственные. Толстый стебель с плотным зеленым листом, плотный белый цветок. Надо скорее поставить их в воду. Ишь, ты – «Аннушке»! Она что – бюро добрых услуг, передавать то да сё? Хотя, конечно, Анна Ивановна и не таких цветов заслуживает. Ей розы надо дарить. Таких, как Анна Ивановна, Фимка никогда раньше не встречала. Организовала хор – все у нее поют, даже старые-старые бабки. У них свои, старые песни, свои старинные наряды. Этих бабок даже на телевидение снимали для передачи «Край морошковый». И сама Анна Ивановна поёт здорово. И играет. Когда в ДК ставили спектакль, ей дали главную роль – роль журналистки, в которую влюбляется один молодой врач. Врача играл на-

стоящий врач, Лудов. Говорят, он и влюблён был в неё по-настоящему, да только она дала ему от ворот поворот. То ли потому, что женат он уже два года, то ли потому, что просто не нравился.

Мать Анну Ивановну недолюбливает. Вертихвостка, ворчит, то с одним её видят, то с другим шуры-муры крутит. Но ни с кем Анна Ивановна ничего не «крутит». Просто характер у неё легкий, улыбается каждому. А мать не любит её за красоту, за умение одеваться. Фимка-то всё понимает. Даже отец, которому, кажется, ни до чего, кроме его дороги да рыбалки, дела нет, заметил как-то, что у Аннушки хороший вкус. Ох, мать и взвилась тогда! «Хорошо и недорого одевается? Откуда ты знаешь, сколько стоит то, что она носит? А я, что, по-твоему, одеваюсь дорого и безвкусно?» «Не о тебе же речь, – пытался погасить надвигающуюся ссору отец. – Ты тоже отлично выглядишь, особенно в своей норковой шубе». Он хотел пошутить, но мать шуточки не приняла. «Ах, шуба! Да, шуба дорогая. Но я сто лет хожу в этой самой шубе! А она эти свои курточки постоянно меняет. Ещё вопрос, что в итоге дороже выходит... А что такое дорого, ты просто не знаешь. Зайди как-нибудь в нашу бухгалтерию и посмотри, как у нас в бухгалтерии некоторые одеваются. Какие у них серьги и кольца! Мне о таких и мечтать не приходится, хотя я на Севере провела полжизни». Фимка хотела тогда встрясть и сказать, что у матери, возможно, и нет таких колец, как у других, но её сберкнижка наверняка толще

всех сберкнижек всей ихней бухгалтерии, но не решилась. Была охота вмешиваться. Шутки с матерью плохи, когда она в таком настроении. А в каком настроении она будет сейчас, когда Фимка ей скажет, что бросает школу, нетрудно представить. А тут ещё эти цветы. Начнёт выпытывать, от кого, кому и зачем... Не отнести ли их прямо сейчас, может быть, Анна Ивановна уже вернулась?

Фимка завернула цветы обратно в целлофан и поднялась на третий этаж.

– Открыто! – крикнули из-за двери.

– Вот, – Фимка протянула букет, не переступая порога.

– Мне? – Серые глаза округлились от удивления.

– Это от Славки, – вспомнила необходимую фразу Фимка. – Просил передать, что он уже вернулся из командировки.

Анна Ивановна слегка покраснела.

– Может, зайдешь? – спросила, беря цветы.

Фимке очень хотелось зайти, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как живет Анна Ивановна, но она решительно замотала головой. Ясное дело, из вежливости её приглашали. Да и мать могла вернуться с минуты на минуту, объясняя ей потом, зачем поднималась к соседке и почему дверь бросила незапертой.

«Дорогая Лена! Получил твое письмо и очень рад, что у тебя всё нормально. – Фимка только головой покачала: все нормально! Куда уж нормальнее! Вчера, пока она аппетит нагуливала на лыжах, мать, оказывается, была в школе. Лучше и не вспоминать, какая буча поднялась по её возвращению оттуда! – Завидую тебе хорошей завистью – это здорово, зимой побывать на юге. Сам я никогда ни в Крыму, ни на Кавказе не был...».

Несмотря на пакостное настроение, Фимка чуть не расхохоталась. Крым! Минус тридцать сегодня градусник показывает. Кавказ! Здорово она, наверное, «путешествие» свое расписала, если ей поверили. А вообще, жалко этого Володю, ему, видно, ещё круче, чем Фимке приходится, в армии сам себе не принадлежишь.

«...отпуск, но ехать или нет, не решил пока – далеко, а погода такая, что может случится, все десять суток только на дорогу и потратишь».

Постой-ка, что за десять суток? Фимка ещё раз перечитала абзац. «За выполнение одного хитрого задания». Интересно, что за хитрые задания бывают у подводников? «Так что хвастать особенно нечем. Отпуск почти такой, как твои каникулы, а воспользоваться им не придется. Звонил в аэропорт – многие рейсы отменяют из-за нелётной погоды. Оста-

ется только надеяться, что полярная ночь и метели с морозами кончатся когда-нибудь. Спрашиваешь, чем в свободное время занимаюсь. Ну, его не так уж много. Читаю, здесь хорошая библиотека, хотя и небольшая, письма твои перечитываю. Интересные у тебя письма – пиши подлиннее». Фимка пробежала конец письма глазами и вернулась к началу.

Кукушка на кухонных часах прокуковала два раза.

– Обедать иди! – тут же позвала мать.

Голос у неё уже не столько сердитый, сколько усталый. Целое утро возилась с пирогами, видно, надеялась ещё, что отец всё же приедет. Вторую неделю нет. А тут ещё Фимка со своими фокусами. Мать просто посерела вчера, когда услышала, что дочь в школу ходить больше не собирается. Просто дара речи лишилась на какой-то момент, ну, а потом выдала, конечно, по первое число. Ещё как пойдешь! Побежишь! Ну и все такое прочее – лучше и не вспоминать.

Мать кладёт Фимке на тарелку две большие котлеты, шлепает несколько ложек пюре, льёт подливку.

– Салат бери.

А сама даже не садится. Стоит у окна. И Фимке жаль её, такую с утра уже наморённую, бегающую к окошку на звук каждой, изредка проезжающей мимо дома машины. М-да, что-то настроение у Фимки сегодня жалостливое. Володя вот. Что за удовольствие сидеть в тесных, наверное, надоевших за время службы, отсеках – или как они там называются: каютах? – подводной лодки, когда есть такой реаль-

ный шанс выбраться на твёрдую землю, на лыжах покататься, встретиться с родными, близкими, знакомыми. И себя Фимке жаль. Трудно даже представить, что завтра нужно идти в эту ненавистную школу. Как зайдет она в класс? Ох, и вправду, приехал бы, в самом деле, папка – он-то что-нибудь обязательно бы придумал! Почему у нее все не как у людей, уродилась же такая нескладёха.

И вообще, почему все в жизни так запутано и сложно? Почему, если хочешь сделать что-то действительно разумное, – ну, на твой взгляд, – доставляешь неприятности близким? Выходит, и в жизни, как в армии, сам себе не принадлежишь? Она вспомнила, как в детстве, нашкодив, страстно желала заполучить волшебную палочку, чтобы – раз! – и никаких проблем. И ещё какие-то мысли приходят Фимке в голову, пока она разделяется с котлетами, запивая их консервированным абрикосовым компотом.

Володе она напишет. Надо немедленно. Она, кажется, знает, как ему помочь безо всякой волшебной палочки. Люди, конечно, немало пакостей делают друг другу, сами того не желая. Но ведь можно сделать и доброе дело, правда для этого требуются некоторые усилия... Дурная, наверное, за тебя – мать ни за что не согласится. Ну да ладно, попробуем.

– Мам, – начинает Фимка, набрав в грудь побольше воздуха для храбрости, – можно к нам Володя приедет?

Мать прекращает мыть кастрюли и поворачивает к Фимке лицо. Глаза у неё в этот момент делают такие же круглые,

как у Анны Ивановны, когда та увидела букет. И вообще, они, – мать и Аннушка, – странное дело, похожи.

– Какой ещё Володя?

Склонив голову, мать обречённо смотрит на Фимку: ну, что, мол, ещё?

– Да знаешь ты, ну, солдат, вернее – моряк. Ну, я тебе рассказывала, который письма мне пишет с Северного Флота, рядом тут служит, в Североморске. Отпуск ему дают, – объясняет Фимка, стараясь говорить как можно непринуждённое, – а его родные живут далеко. А погода, сама видишь, метёт через день, самолёты почти не летают. А у него ещё две пересадки. А к нам – ни одной! Сел на самолётик, вжик, и тут.

Мать насмешливо кивает: домой, значит, нелётная, а к нам – «сел на самолётик»!

Фимка переводит дух.

– Ну, а там-то какие самолёты? Большие. И может, один-два рейса всего в сутки, а пассажиров сколько? А к нам обыкновенные «кукурузники» летают, и летят сейчас они только с почтой, а народу – никого!

Мать опускает вниз мокрые руки, с которых капает на пол вода и громко вздыхает:

– Ну, Ленка, Ленка, с тобой не соскучишься! Каждый день сюрприз. Что ты выдумала, хоть соображаешь? Ой, хлебнёшь ты в жизни со своим характером!

Фимка чувствует, что мать в растерянности и осторожно

настаивает:

– Ну, мам! Он же почти рядом с нами служит. Ну, представь, был бы у тебя сын и служил бы, к примеру, на Дальнем Востоке. Дали бы ему отпуск, а...

– Да мне тебя одной хватает! – мать машет рукой. И вдруг, опустившись на табурет, начинает смеяться. – А пусть приезжает, в самом деле. Пирог сделаем с брусникой и... и – замуж тебя отдадим! Но ты же, кажется, уезжать собралась? А гостей зовешь! Или уже передумала школу бросать?

Мать насмешливо и ласково улыбается и Фимка невольно улыбается ей в ответ, хотя, чему радоваться-то, если подумать?

В горах

Снег сыпал не переставая. Тропа окончательно исчезла. Чтобы не заплутать, оставалось одно – идти по руслу речки, слабо журчащей в обмёрзлых, снегом присыпанных берегах. Жёсткие кусты местами подступали к самой воде. Идти приходилось то проваливаясь по колено в снег, то едва не черпая воду ботинками. Шаг, ещё шаг. Женька вся сосредоточилась на этих шагах. Мыслей не было. Отчетливо и тупо стучало сердце. Ныли от холода ноги. Надо идти. Шаг, ещё шаг, ещё и ещё. Через три часа, мокрая и промёрзшая до костей, она вышла к лесному кордону.

Ни эсперанто теперь в её жизни не будет, ни походов. Женька поворачивает голову, смотрит в окно. На фоне мутно-белесого неба вразнобой качаются голые ветки. То дождь, то снег – южная февральская несурaziца. Врач сказал, на днях выпишут. Отвалялась, выздоровела. Вот только что ей делать с этим здоровьем? Как по улицам ходить? По университетским коридорам? Как войти в аудиторию и посмотреть в глаза тем, кто там сидит? Женька поднимает вверх руку, рассматривает. Конечно, она очень похудела, уже не прежние шестьдесят пять кило. Но даже в нынешнем её состоянии видно, что это крепкая рука. Вся она, Женька, крепкая, основательная, с хрупкой Ритой не сравнить.

Женька и мыслила медленно, основательно, знания, в отличие от Риты, хватавшей всё на лету, долго «высиживала». Но и запоминала освоенный материал если не навсегда, то, во всяком случае, надолго. Всё помнила, вплоть до каких-то мелочей. Память у неё отличная. Другие отбарабанят выученное на экзамене, да и забудут тут же. И конспекты у неё самые лучшие в группе, самые подробные, и в библиотеку она ходить не ленилась. А Риту после лекций обычно Серёжа поджидал. Какая там библиотека...

На тумбочке лежат яблоки. Отец привёз. Женька старается на них не смотреть, смотрит в окно, на исчерченное ветками небо, но даже отвернувшись, видит этот «гольден». «Гольден», золотые, значит. Яркие, прямо светятся в серости тусклого дня. Ритины любимые.

– Убери их, подальше от греха, – подает из угла голос Евдокия Семеновна. – Медсестра вот-вот придет, выговаривать будет. Вынеси в холодильник или в тумбочку затолкай.

Сегодня на дежурстве Жанна. Она строгая. И Женька, преодолевая себя, поднимается, складывает яблоки в пакет, несёт. Но не в холодильник.

– Возьмите, тётя Дуся. Живые витамины.

– Ой, сдурела! – пугается соседка по палате. – Куда мне столько-то? У меня зубов раз-два и обчёлся. Сама грызи, раздатчица. Кожа да кости, впору под капельницу. Ни в обед, ни в ужин ничего не ешь. Одно возьму, больно хороши, а остальное назад неси. Сказала, хватит, куда суешь, одно

мне, больше не возьму! Поворачивай, поворачивай!

Женька поворачивает. Только не к своей кровати, а к соседней, там спит третья обитательница палаты – семидесятилетняя бабка Глаша. Бабке тоже нужны витамины, а родители её частыми визитами не балуют. Пусто в тумбочке. И Женька втискивает туда свой объёмистый пакет.

Особенно они и не дружили. Эсперанто – вот что их объединяло. Субботин и Горланов были из медицинского, Женька и Рита – из университета. Приходил через раз поэт Кондаков, работавший в молодёжной газете, и также, через раз, являлось несколько десятиклассников, из которых Женька знала только Танечку. Потом присоединился Сережа. Эсперанто ему до задницы, он для него, как марсианский язык. Сережа технарь до мозга костей, в каждом деле прежде всего вычислял КПД, коэффициент полезного действия. Марсианские языки в его жизнь никак не вписывались, КПД нулевой. Но он ходил. Женьке тоже эсперанто вроде ни к чему, а она вот тоже ходила. Всё потому, что очень уж красиво Рита расписывала несуществующие возможности и плюсы этого языка. Симпозиумы, на которые её, Женьку, приглашают, перспективы интересных знакомств и всяких там встреч. Ритка почему-то на полном серьёзе считала, что эсперанто это язык будущего. Утверждала, что он очень популярен в Швеции, в Польше, Франции, Венгрии, говорила, что президенты его изучают и всякие общественные дея-

тели. Что уже литература существует на эсперанто, а потому, им, филологам, стоит к нему интерес проявить. Ну и прочие глупости. Которые почему-то довольно убедительно звучали в исполнении Риты. Вот только Сережу она зря с собой привела. Скромница Танечка тут же на него глаз положила. По каждому пустяку к нему стала обращаться, краснея и хлопая длинными кукольными ресницами. Это не одна Женька заметила. И в поход с ними Танечка увязалась, ясное дело, из-за Серёжи. Конечно, Рита тоже это всё видела и всё понимала. Может быть, именно потому и сказала тогда: с Таней пойдет Серёжа. Так сказала, что ни Серёжа, ни, тем более, Женька, спорить не стали. А Танечка опустила глаза и в очередной раз покраснела. В этот раз, надо думать, непритворно.

Вместе с яблоками отец привез газету. Вот, сказал сердито, на всю область прославились. В селе проходу нету, каждый пристаёт, расскажи да расскажи, что там с твоей дочерью приключилось. В голосе отца неприкрытый упрек. Он скромный человек и всякой, как сказала бы Рита, «публичности» сторонится. Газета лежит на тумбочке. Раз двадцать прочитала Женька заметку, пытаясь проникнуть в её суть. «Удачно завершив сессию, решили провести каникулы в горах...». Неужели это о них? Да, там их имена, их фамилии и – трескучие фразы, которыми излагается чужая какая-то и нелепая, история. Факты вроде бы совпадают, только всё

это ложь, не так всё было на самом деле.

Кондаков, тот сразу отпал. Позвонил Рите, сказал, не отпускают с работы. Никто по этому поводу и не переживал, он всегда был человеком ненадежным. Но, когда потеряв час в ожидании медиков, поняли, что и те не явятся, слегка приуныли.

– Зайцы трусливые, – сказала Рита. – Позвонили хотя бы. Что будем делать? Не попадем на восьмичасовой, считай, день пропал. Тогда лучше сразу по домам.

Но возвращаться домой никому не хотелось – настроились уже на поход. Планировали, собирались.

– Пойдём, – Сережа вскинул на плечо рюкзак.

– Конечно, надо идти! – подхватила Танечка. – Они нам потом еще завидовать будут!

Женька посмотрела на Риту. Она тоже возвращаться не хотела, но её настораживало то, что погода неустойчивая, прогноз неопределённый. Настораживало небо в тучах. И ещё с ними Танечка, которая никогда, как оказалось, в походы не ходила, а маршрут довольно тяжелый: Нижнекаменка – Большое Плато. Рита, в свою очередь, вопросительно взглянула в сторону Женьки.

– Как думаешь, сможем?

И Женьку в ответ дернул черт за язык, произнести ту фразу, которая теперь постоянно, день и ночь, вертится у неё в голове: ладно, рискнём! Почему мы часто, идя на пово-

ду у других, говорим не то, что нужно? Почему говорим – да, хотя внутренний голос внятно подсказывает, что именно сейчас надо сказать нет? Рискнём, сказала она, ещё не осознавая рокового значения этого слова. Потому что не лучшая у неё соображалка. Ей всегда надо подумать, взвесить, прежде чем мнение своё высказывать, а тогда думать некогда было, на автобус опаздывали. И она сказала то, что от неё хотели услышать. Рискнём, сказала она.

«Мне особенно больно писать о случившемся, поскольку я лично знал всех участников этого похода... но в целях предупреждения подобных случаев...» Женька зарылась носом в подушку. Почему, почему они не вернулись тогда с автостанции? Ведь были у неё сомнения, да только она при себе их оставила. А зря. Она, как никто, должна была понимать, на что они напрашиваются, у неё единственной из группы был большой опыт зимних походов.

«Слабо ориентируясь в горах, не обладая достаточными знаниями техники и тактики туристических...».

Пока доехали и вышли на трассе, тучи рассосались, выглянуло солнце. К вечеру они одолели перевал и вышли в уютную лощинку, где решили сделать привал. Под соснами звенел в камнях ручей. Уходящее на покой солнце резко обозначило тени от кустов и деревьев. Привалившись рюкзаком к толстой сосне, Рита подставила лицо последним лучам, с наслаждением вдыхая чистейший, какой бывает только в горах, воздух.

– Пожалуют еще, суслики, что не пошли.

Танечка, без сил рухнувшая на камень, как только сбросила рюкзак, слабо рассмеялась. Через минуту смех просто душил её – она не могла остановиться. Женька, готовившая палатку, в тревоге оглянулась. Всю дорогу Танечка ныла и стонала, её приходилось без конца подталкивать, подавать ей руку, делать из-за неё короткие привалы, а тут – нате вам, – так разобрало.

– А Кондаков, он и правда, вылитый суслик. А когда стихи читает, лапки на животе... и ни слова не разобрать, только усы шевелятся, щеки... Ой-ой!

Танечкин смех перешел в слезы. Этого и следовало ожидать, подумала Женька. Связались с младенцем на свою голову.

– Иди сюда, – приказала она, – поможешь с палаткой.

– Я не... не могу, – заныла Танечка. – Но-ги-и...

Ботинки были одеты на два тонких носка. Когда Женька увидела Танечкины ноги, ей стало страшно. Ботинки были малы.

– Тебя, что, не предупреждали? – от злости Женька заговорила шёпотом. – Ты же завтра в них вообще не влезешь!

– У меня не было своих, одолжила у подруги...

Наверное, Женька здорово на неё наехала, всё кукольное жеманство слетело с Татьяны, как луковая шелуха. Она выглядела перепуганной и несчастной. Таська залезла в свой рюкзак, швырнула ей свои запасные шерстяные носки.

– Одень! Ноги пока в спальник. Утром посмотрим, что с тобой делать.

А что делать? Утром кому-то нужно было вести Танечку обратно. Или возвращаться всем. Женька стояла за последнее. Ей как-то не улыбалось возвращаться с девчонкой в город, оставив ещё двоих в горах. Сережа, конечно, человек осторожный и внимательный, но опыта почти никакого и мест этих он не знает.

– Пусть Сережа её отведёт, – неожиданно предложила Рита. – К завтрашнему обеду он сможет нас догнать, если подъедет к «Горному Озеру» на автобусе. А мы там остановимся на ночёвку.

Это было реально. Турбаза «Горное Озеро» стояла чуть в стороне от выбранного маршрута, но если сделать небольшой крюк...

– Может, я тоже смогу туда дойти, а там уже сяду на автобус? – Чувствуя себя виноватой, Танечка пыталась исправить положение.

– Молчи уж, – сказала Женька. – Тут вниз идти, спуск пологий, тропа есть, а туда на гору надо взбираться.

Утром следующего дня, позавтракав, разошлись. Сережа с Татьяной вниз, по своему старому следу, а Рита с Женькой – вверх, дальше. Оглянувшись у старой вековой сосны, Женька увидела две маленькие фигурки, освещённые утренними лучами солнца. Снег сиял и слепил. В небе ни облачка. Ничего не предвещало той снежной круговерти, которая

началась спустя несколько часов.

У Женьки оказалось тяжелейшее воспаление лёгких, и несколько дней к ней даже родственников не допускали. Но вездесущий Кондаков проник. Разомкнув в очередной раз тяжёлые веки, она увидела у кровати его коренастую толстоватую фигуру, маленькие глазки смотрели вопрошающе, губы шевелились. Кондаков что-то спрашивал, что-то говорил, как будто утешал... Женька снова закрыла глаза, она никого – никого не хотела видеть. Когда температура спала, она стала подниматься, и врач разрешил её навещать, к ней приходили девчонки из группы, приходили Алла с Наташкой, с которыми она жила в одной комнате в общежитии, но Женька попросила нянечек в палату никого к ней не допускать и сама вниз, в вестибюль ни к кому не спускалась. Она бы и передачи, все эти соки-фрукты-овощи, назад возвращала, но нянечки наотрез отказывались носить их обратно.

Сначала пошёл снег. Он не особенно их встревожил – впереди маячил твердый ориентир Чёрной горы. Но уже через час они вынуждены были остановиться. Идти стало невозможно, склон был покрыт толстым вязким слоем, и снег всё лепил и лепил. А потом поднялся ветер. Ветер в горах бывает ураганным. Они с трудом поставили палатку. Поскольку костер разжечь было невозможно, поужинали всухомятку и забились в спальники.

К утру снег и ветер прекратились, но резко похолодало. Женька, стуча зубами, выползла из палатки и решила-таки разжечь костер. Она просто мечтала в тот момент о кружке горячего чая, который бы их слегка взбодрил и согрел. Собирая сухие ветки, пыталась сообразить, как лучше идти, чтобы выйти на тропу, ведущую к «Горному Озеру». И не могла. В этих местах она больше бывала летом, а сейчас все покрывал снег, до неузнаваемости изменивший окрестности. Кое-как позавтракав и обсудив положение, решили подниматься в гору. Если погода улучшится, легче будет ориентироваться. Подъём оказался куда более тяжёлым, чем они ожидали. Крутой, затяжной, он отнял полдня. Стало ясно, что к «Горному» им к вечеру не добраться.

– Придётся ставить палатку где-то здесь, – сказала Рита. – Лучше сейчас, пока совсем не стемнело. У меня, честно говоря, уже никаких сил не осталось. Давай передохнём.

Женька огляделась.

– Нельзя, чувствуешь, мороз усиливается? За ночь в ледышки превратимся. Двигаться надо.

Она вспомнила, что где-то здесь, примерно метрах в двухстах ниже гребня горы должна быть большая пещера. Летом они останавливались около входа в неё на привал. Там еще такая большая пирамида была... Только бы её удалось найти!

Обойдя глубокую балку, продираясь сквозь заросли, они начали медленный спуск. Но ни через двести, ни через три-

ста метров ничего похожего на каменистую поляну с пирамидой из камней в центре, так и не обнаружили. Мороз, тем временем, все усиливался.

– Передохнем, – попросила Рита. – Надо поесть, сил не осталось.

– Давай еще чуть-чуть поищем, – не желала сдаваться Женька. – Здесь она где-то, совсем рядом, я чувствую. Там теплее, а главное, нет ветра.

– А ты уверена, что мы правильно идем? Места здесь какие-то нехоженые. Может, взять влево, там спуск кажется не такой крутой.

– Да нет же, мы здесь тогда спускались! Я помню. Внизу речка была. Остановись... слышишь шум воды?

Пещера однозначно была где-то под ними, где-то рядом, внизу. Думать о том, что они заплутали, было невыносимо.

«Горы жестоко мстят за легкомыслие. Заниматься любимым делом необходимо организовано, под руководством опытных наставников».

Самое страшное в таких случаях – обыденность. Все так же сыпал легкий снег. И уже отчетливо слышался шум воды. Но минута, разорвавшая Женькину жизнь напополам, уже прошла.

– Ну, что я тебе говорила? – почти ликующе обратилась она к Рите. – Речка журчит, слышишь?

Но Рита не слышала. Уже не слышала. Когда Женька оглянулась, она Риты не увидела. Как будто та и не стояла нико-

гда за её спиной на твердом уступе. Только тут в сознание внедрился треск сухого дерева... или это почудилось?

Все ещё не веря глазам своим, Женька осторожно подошла к тому месту, где только что стояла Рита, заглянула за край выступа, за которым внезапно обозначился крутой обрыв, но в сгущающихся сумерках ничего не увидела. Она повернула влево, обогнула уступ, начала спускаться, насколько могла быстро. Продираясь сквозь кусты, падая, съезжая на заднице, неслась вниз, но Риты нигде не было. Никаких следов не просматривалось. Еще один уступ, и еще. И вот – Ритин рюкзак. Это было первое, что она увидела. От удара об острый выступ скалы у него порвался бок, и на снег вывалилось несколько яблок и апельсин. Рюкзак лежал в нескольких метрах от бегущей воды. А Рита выше, в кустах.

«Человек, чья жизнь только начиналась. Человек очень талантливый, энтузиаст, как говорили раньше, зачинатель интересного дела в нашем городе, один из основателей клуба эсперантистов...».

Женька смотрит в окно, на исчерченное ветками небо. Болтун этот Кондаков, выщёлкивает словечки, не вникая в их смысл. Впрочем, что на него обижаться – газетчик. Там не до смысла – массу давай. Интересно, какую заметку он бы написал, окажись тогда в горах на её месте? Какие бы нашел слова, чтобы описать весь ужас той ночи? Ночь. Она упала

внезапно и тянулась вечность. Рита слабо стонала. Кое-как установив около Риты палатку, Женька осторожно перетащила её туда. Расстегнув замки спальников, укутала со всех сторон, потом легла рядом, стараясь согреть, осторожно растирала ей руки. Время от времени она звала Риту, но та в сознание так и не пришла.

Больше всего Женька боялась встречи с Сережей. В ту ночь, не дождавшись их в «Горном», он сообщил о случившемся в спасательный отряд и сам вышел им навстречу.

«Как ты могла бросить её там одну? Без сознания? В этом лесу есть волки. Есть одичавшие собаки. Как ты могла уйти, зная, что самое большее, через день-два вас обязательно разыщут спасатели?» Как она могла? У Женьки на этот трудный вопрос есть лишь один ответ – там, в горах, ей казалось, что ещё был шанс спасти Риту. В горах думается и видится всё не так, как на равнинах. Тогда у неё в голове только одна мысль была – скорее, как можно скорее добраться до какого-нибудь населённого пункта, чтобы сообщить о происшедшем. Нужна была срочная помощь, и она не могла ждать, пока придут спасатели. Она не знала, что их уже вызвали. Она знала одно, если она поторопится, Риту спасут.

Только никому её объяснения не нужны. Серёжа не придёт. И никто ни о чём её не спросит.

Праздники и подарки

Тоня приподняла голову с подушки и, чуть приоткрыв глаза, скользнула взглядом по залитой солнцем бревенчатой стене. Дома. Уезжала ли она вообще? Может, и не было ничего – ни чужого города, ни дома чужого, ни странной бесснежной зимы? Но нет, было всё это, было. Вон, у окна на стене приколото несколько открыток. Она сама слала их крёстной с юга.

Как рвалась она отсюда! Думала, уезжает навсегда. Думала, начинается другая, взрослая жизнь, непохожая на прежнюю – простую, незамысловатую. Она и началась – в начале полярного лета, и полярным же летом, ровно через год, закончилась. Год прошел, а будто вчера, поёживаясь от холодного ветра, стояла она июньским утром на пристани в ожидании почты.

В лодке, плывущей к берегу от бросившего якорь корабля, углядела среди своих незнакомца в не по-здешнему яркой куртке. «Гостя тебе привёз!», – крикнул председатель кооператива, выпрыгивая из лодки и подтягивая её к берегу. Ясное дело, шутил. Какое мог к ней иметь отношение этот парень с рюкзаком? По зеленоватой бледности лица ясно было, что не мореход. С виду крепкий, а едва стоял на ногах, укачало. И кольнула её неожиданная жалость – туго ему, видно, пришлось в такое волнение. Сама она морской болезни

знать не знала. С детства в лодке. Помогала отцу на тоне. Да и потом, когда отца не стало, случалось, выходила в море порыбачить. Умела обращаться и с веслами, и с баркасом. И зимнюю рыбалку любила. Как станет лёд, ходили с Колькой за кумжей и щуками на озеро.

Но оказалось, что именно она, Тоня, и вправду была нужна незнакомцу. Он писал серию очерков о старинных селах и промыслах Беломорья и его интересовала библиотека, в которой она работала. Сохранились ли подшивки газет за прошлые годы? Конечно, сохранились, куда им деться-то? А нет ли каких-нибудь старинных книг? Он несколько раз задал этот вопрос. Но откуда им быть-то в библиотеке? Старинные книги были у Стрельцовых, живущих на дальней тоне. И не о поморах они, а церковные, Стрельцовы были из староверов. Все они здесь потомки тех, кто сберегая веру, бежал когда-то от царских «милостей» и новых церковных уставов в северные земли. Но этого она говорить не стала. Незачем. Тем более, что дошли уже до библиотеки. Тут парень, спохватившись внезапно, спросил, у кого можно остановиться на ночь. «Можно и у нас», – неожиданно вырвалось у Тони. А что? Места много. Они вдвоём с крестной жили. Хотя обычно всех приезжих к бабке Глафире посылали. Та скучала по уехавшим в город детям и внукам. Гость для неё хоть какое-то развлечение. И гостю хорошо, бабка не молчунья. А выпьет рюмочку, так и песни старые поморские споёт. Тоня песен Игорю не пела, но везде водила, всё, что могла,

показала. Через три дня, стоя на берегу в ожидании корабля, Игорь посмотрел на неё и сказал, как ей показалось, со значением, что обязательно ещё приедет. Она не поверила. Все так говорят. Туристам тут всё нравилось, всяк хотел бы вернуться. Каково же было её удивление и сколько тайной радости было, когда он и вправду приехал! Через месяц. Опять вроде как в командировку от газеты.

На этот раз целых десять дней жил. Тут уж всем ясно стало, ради чего, а точнее, ради кого он здесь. Песни, заговоры, сказки поморские – это повод, а причина-то, вот она, рядом с ним, Антониной зовут. Никто и не удивился, когда она ближе к осени в город засобиралась.

«А как же Колька? – спросила крестная, вытаскивая из печи пирог с рыбой, который испекла на дорогу. – Мрачнее тучи ходит, не вишь, что ли?» Что Колька? Молчун неповоротливый. Вместе в школу ходили. В детстве дрались даже. А Игорь – это совсем другое. Сердце ныло сладко, стоило подумать, что, вот ведь, издалека приплыл за ней, пусть и не под алыми парусами. Приплыл, чтобы забрать её с собой. Крестной не нравился. «Чужой, он чужой и есть», – сказала, отворачиваясь. Не хотела Тоню от себя отпускать. Отпустить – что потерять. А она знала, что это такое. Муж умер от инфаркта, а сын Май вместе с Тониными родителями сгинул в море; в один из осенних штормов катерок, на котором они плыли, разбило о камни.

Тоне и жаль крёстную, и остаться не может. «Не навсегда

ведь еду, – сердилась, – и не за тридевять земель, а всего лишь в областной центр. Вон сколько наших в Мурманске. Работу найду и учиться дальше буду. Сама говоришь, высшее образование ещё никому не повредило... на заочное поступлю». «Отговорки всё это», – вздохнула крестная. Но пошла на почту, звонить в Мурманск троюродной сестре, просить, чтобы та приютила Антонину.

Только Тоня поехала совсем в другой конец города. Чего идти к почти незнакомой тётке, когда у Игоря своё, пусть и съёмное, жильё? Маленькая квартирка и без мебели почти, зато какой вид из окна! Весь залив как на ладони.

Вот с него-то, с залива, и подули в конце лета сырые арктические ветры.

Игорь был южанином, мёрз. Тоня заклеила окна и делала всё, чтобы их маленький дом стал как можно уютнее. Купила новые занавески, скатерть. Покрасила окна и пол. Игорь уходил на работу, а она шла по магазинам. Вернувшись, смотрела в окно. Людей в городе много, а поговорить не с кем, все чужие, все спешат...

Набравшись смелости, зашла как-то в ближайшую школу, узнать, не нужен ли библиотекарь. Завуч покачала головой. И добавила, лишив Тонию всякой надежды: вы здесь нигде работы по специальности не найдете. Это же город моряков и почти у каждого жена. Знаете сколько среди них женщин с библиотечным образованием?

А Игорь и не хотел, чтобы она работала, он не любил воз-

вращаться в пустую квартиру. Она купила толстую книгу с рецептами, каждый день ездила за свежей рыбой в магазин «Океан» и к приходу Игоря готовила что-нибудь вкусненькое. Он смеялся, «От таких ужинов я скоро растолстею!» Но не толстел. Шмыгал носом от постоянного насморка.

Оба они были как растения, высаженные не на том месте. Ему было холодно в этом климате, она тосковала, – хотя ни за какие коврижки в этом не призналась бы, – по своему посёлку. Когда выпал первый снег, Игорь внезапно предложил переехать к его родителям. Они тоже живут у моря, только на юге. Тоня испугалась. Жить с его родителями? «Да они нормальные у меня, – рассмеялся Игорь. – И места там много, дом большой. Два входа, две кухни». «Зачем это?» – удивилась Тоня. Оказалось, чтобы летом сдавать курортникам. Поразмыслив, Тоня решилась.

Юг поразил её.

Тёплая, даже жаркая в середине дня погода, обилие зелени в октябре. Какая же это осень? Лето, настоящее лето! А сколько фруктов и овощей на рынке, а какие яблоки в саду! Да что яблоки – виноград заплёл весь двор, протяни руку, рви и ешь. Рай на земле! И родители Игоря приняли её приветливо. Напрасными оказались её опасения, что она придётся в этой семье не ко двору. В их с Игорем отношения родители вообще не вмешивались, что позволяло большую часть времени жить своей жизнью. Да им и не до того бы-

ло, оба были очень заняты на своих работах. Уезжали рано утром, возвращались после семи.

Пока Игорь не устроился в местную газету, они часто гуляли по городу. Не забыть, как он впервые привёз её к морю. Вместо грозной стихии серых волн, в октябре уже дышащих глубинной полярной стужей, увидела Тоня совсем другое, почти ласковое, море, под ярким солнцем оно искрилось и играло всеми оттенками синевы и зелени. Ей загорелось искупаться. Купальника не было, да что с того, берег-то пуст. Но Игорь не позволил: ещё простудишься. Вода казалась ему ледяной – это в такую-то жару!

Да, странной была та, минувшая, осень – с синим, высоким-высоким небом, со стрекотом последних цикад в сухой траве у забора из жёлтой ракушки, с яркими звездами, смотревшими по ночам в огромное, в полстены, окно. Ночи казались короткими, дни мелькали как солнечные пятна на морской волне. Взглядывая на календарь, висевший в их комнате над столом, она спрашивала себя иногда, уж не снится ли ей всё это? И вправду ли уже ноябрь?

Но лето и на юге отступало. Зарядили дожди. Но дожди это всё же не метели. Там, дома, на Севере, её поселок все глубже погружался в глубокие снега и в темноту полярной ночи, а здесь до нового года она ходила в туфлях.

Новый год встречали фейерверками. Были на дискотеке. Игорь подарил ей большого белого медведя в целлофановом

мешке. Как и ты, с севера мишка, пошутил. Она взглянула на игрушку и ей вдруг остро захотелось домой. Новый год праздник зимний, а тут снегом и не пахло, дождь за окном. Это было неправильно. Это стало тревожить. Но не только погода вызывала беспокойные чувства. Она и здесь не работала – места в библиотеках были заняты. И родители Игоря прописывать её не спешили. Не потому что не хотели – просто некогда было. Она мыла посуду, убирала дом, готовила ужин. Отец Игоря, вернувшись в работы, первым делом заглядывал на кухню, довольно принохивался и, прежде чем усесться перед телевизором, с довольным выражением уплетал шаньги. «Ну, что ты, зачем это? – восклицала мама Игоря, краем глаза озирая накрытый к их возвращению стол. – Ты бы лучше почитала, фильм какой-нибудь посмотрела». Фильмов было много, разных, были даже на иностранных языках с субтитрами. И книг было много. Но не читалось и не гляделось.

Игоря всё чаще посылали в командировки, иногда его не было по нескольку дней. Тоня никогда не была слишком общительной, но даже ей сидеть в одиночестве становилось нелегко. Она стала плакать, чего за ней раньше не водилось. Заставший её как-то в слезах Игорь никак не мог взять в толк, с чего она ревет, а она не могла объяснить. Ей снился дом. То шла к нему через косогор, и никак не могла дойти, то видела его со стороны моря, стоя в баркасе. Снилось тоня, на которой она выросла, река, прозрачная ледяная вода,

журча, быстро скользила по каменистому ложу к Белому морю. Библиотека снилась, куда, как писала крестная, так пока и нашли библиотекаря. И не найдут, скорее всего. В самом деле, кто, кроме местных, поедет к ним на Берёг?

Ранняя южная весна Тоню уже не радовала. Ощущение было, что пришла она как-то не вовремя, вытолкав из очереди зиму. Не к месту было всё это цветение.

«Я домой... ненадолго», – пряча глаза, объяснила Игорю.

«Хорошо», – торопливо кивнул он в ответ, тоже не глядя на неё.

Как внезапно всё началось, также внезапно и закончилось.

– Эй, лежебока, – заглянула в комнату крестная. – Хватит спать-то. Тут к тебе гости.

– Кто?

Но крестной уже не было, только дверь в кухне хлопнула. Тоня взглянула на ходики – семь утра! – и торопливо натянула платье, недоумевая, кто мог явиться в такую рань. Ленка, что ли? Распахнула дверь на крыльцо. В самом низу, на первой ступеньке сидел Колька и держал на руках черненького щенка.

– Здравствуй, – произнес, глядя на неё снизу вверх.

– Здравствуй, – откликнулась она и нахмурилась, скрывая непонятно откуда взявшееся смущение. – Чё не на работе-то?

– Да он тут уж третий день толкётся! – усмехнулась крест-

ная, неся из-за дома охапку дров для утренней топки. – Узнал, что едешь, так места себе и не находит!

– Сама не знает, чё наговариват, – сердито буркнул Колька, отворачиваясь.

Тоня спустилась вниз.

– Где взял? – кивнула на щенка.

– Из Умбы привез.

Тоня присела рядом с Колькой, оглядела сладкую парочку.

– Лохматый какой!

– Какой же он лохматый? – удивился Колька. – Вот, – протянул ей в щенка, который едва не тонул в его крепких ручищах. – Гладкий совсем.

– Да я не про него, – засмеялась Тоня, принимая щеночка. – Ты лохматый! Зарос, как...

Она не нашла с чем сравнить его соломенную скирду на голове.

– Так некому стричь было.

– Так уж и некому, – поддразнила она. – В райцентре был? Был. Надо было в парикмахерскую сходить.

– Я голову свою кому попало не доверю, – пробухтел Колька.

– А если б я не вернулась? – спросила она, поглаживая бархатную спинку. – Косу бы отращивал?

– Да знал я, что вернёшься.

А если знал, чего не остановил-то, когда уезжала? – хоте-

ла она спросить. Но не спросила. Поднесла к лицу тёплый комочек и прижалась к нему щекой.

Через полчаса закутанный в старую простыню Колька сидел на табурете посреди заросшего ярко-зелёной травой двора. Над его головой щёлкала ножницами Тоня, а вокруг бегал маленький чёрный щенок и время от времени громко и радостно лаял.

Дорога на Ай-Петри

Самолет приземлился около двух ночи. Борясь с поташиванием, которое было обычным для неё при долгих перелетах, Вера ступила на трап и, после духоты салона, с облегчением вдохнула влажный холодный воздух. И почти сразу замёрзла. Север есть север даже летом, всего плюс восемь, как сообщили в самолете перед посадкой.

Бледная лимонная полоса высвечивала зябкое мелколестье над низкими сопками. Лётное поле, здание аэропорта и несколько щитосборных домиков поодаль – всё окутывал прозрачный сумрак, в котором жёлто и ненужно тлели фонари и окна. Уже не верилось, что из Симферополя вылетали в тридцатиградусную жару, как не верилось в то, что бывают другие ночи, с чернильно-глубоким небом, усеянным крупными звёздами, со звоном цикад и густым сладковатым запахом чабреца, который приносит иногда степной ветер.

Через душный зал ожидания, заполненный истомлёнными бессонницей пассажирами, она вышла к стоянке такси. В тепле машины её окончательно разморило. Сквозь мутный полусон пробивался к сознанию знакомый ландшафт – склоны, поросшие мелким березняком и кустарником, черепичные и шиферные крыши домов пригородного совхоза, трубы ТЭЦ. Среди причудливо искривленных деревьев мелькнула лунная ладонь залива, поворот, и он открылся весь – огром-

ным мерцающим зеркалом. Начался город, тихий, незнакомо безлюдный. Вера закрыла глаза. Серебристая рябь залива сменилась видением бесконечного, дышащего солнцем, пространства. «Брызги света отражаются в глазах. Пляжи – утренних часов молитва. Евпатория. Песок и солнце в волосах. Бьются волны учащённым ритмом».

Вчерашний день – уже вчерашний, хотя сегодняшний ещё не наступил, – наплывал то видением пёстрого и шумного утреннего базара, то пляжа, переполненного шоколадными телами, то накатывал тяжёлой зеленоватой волной... После жаркого песка вода в первый момент казалась холодной, но через минуту тело блаженствовало, взгляд выхватывал стайку мальков, разлетающихся из-под ног на мелководе, взвихрения солнечных бликов на песчаном дне, россыпь ракушек и камешков, далёкую округлую линию горизонта... Возвращение к обеду – последний раз по узким улочкам старого города в зыбкой полуденной тени акаций.

Обедали на старой, увитой виноградом, террасе. Собралась довольно пёстрая и шумная компания. Этим летом, кроме Веры, у Светки гостили её институтские друзья, Аня и Вика, к обеду пригласили и соседа, Светкиного коллегу, учителя то ли физкультуры, то ли трудов, Вера так и не уяснила чего, хотя он забегал почти каждый день. А однажды даже провёл её на закрытый санаторский пляж, где было просторно, а вода отличалась от общедоступной части моря удивительной прозрачностью. Когда уселись за стол, хлопнула

калитка и появились два курортника, снимающие времянку в углу сада. После секундного замешательства Светка позвала и их.

– Вот, – кивнула на Веру, – уезжает. Всего десять дней побыла, представляете? Нет, чтобы приехать на все лето.

Вера удивленно подняла голову – в Светкином письме были указаны твёрдые сроки, «до двадцатого». Потом ещё кое-кто нагрянет, «...ты же знаешь, какая у Кости обширная родня». Нет, Вера не знала, что у Кости обширная родня, но стеснять сестру не собиралась, отлично зная законы южного курортного лета.

Чтобы, «как следует» отметить Верин отъезд, Светка в полную силу проявила свои кулинарные способности. Салаты, пироги, тушёный кролик, фрукты и какой-то совершенно немыслимый торт, с которого двухлетняя Наташка-племяшка всё порывалась содрать вилкой шишечку. Чтобы отвлечь её, Вера рассказывала сказку.

– ... от дедушки ушёл, и от бабушки ушёл, и от тебя, заяц, я тоже уйду!

– Попробуй вот этот салатик, – Светка пытается втиснуть в переполненную тарелку Веры ложку ещё чего-то бело-оранжевого. – Понравится, дам рецепт. Лопай, тебе нужны калории, ишь, худющая какая.

– Спасибо, – кивает Вера и продолжает сказку. – И покатишься колобок дальше...

Костя сидит как раз напротив. Вернулся из своей очеред-

ной командировки ночью. А утром её не было – рынок, море. Только сейчас, за столом, и увиделись по-настоящему. Перекинулись парой слов. После пяти или шести лет? Так сразу и не вспомнишь. Где только не бывала она в свои длинные, северные отпуска за эти годы! А вот в Крым как-то не получалось. Да и в этом году не собиралась, но получила Светкино письмо и решила приехать. Костя виновато улыбается:

– Как там у вас, в Заполярье, холодно?

– А у вас как? Всё так же жара и жара? – глядя в тарелку отвечает она.

Физкультурник захохотал – видно, понравился её ответ.

– Ездишь ты, Константин, по стране, а ничего, значит, кроме запчастей своих вокруг не видишь!

– Ешь, Вера, ешь. Салат-то попробуй. Ну, как? Правда, в самолётах такими вкусностями не кормят? – Светка в роли хлебосольной хозяйки. – И возьми кролика кусочек.

– Спасибо, не хочется.

– Я возьму, с вашего позволения, – говорит пожилой курортник. – Потому как от общепита сплошное расстройство аппетита.

Физкультурник снова расхохотался.

– Да, в наших столовых такого не увидишь! Твои бы кулинарные способности, Светлана Андреевна, моей жене. Моллился бы!

Светка розовеет. Нежный такой румянец на щеках.

– Ска-а-зку, – тянет Наташка. – Колобок...

– Катился-катился и повстречал медведя.

– Иди, Натка, ко мне, дай тете Вере поесть перед дорогой, – Светлана берет дочь на руки. – Неизвестно, когда она теперь снова сядет за стол.

– Да еще за такой! – Пожилой курортник вытирает потную лысину. – Хотя я здесь гость случайный, а позволю себе тост сказать: за хозяйку!

– Нет-нет! – Светка машет рукой. – У нас есть за что выпить.

Но все поддерживают курортника и Светлане это приятно. Приятно сидеть в разношерстной компании, приятно чувствовать себя хозяйкой, матерью, этаким центром дома. На секунду Вера встречается с ней глазами. Наташка тянет её за руку – дальше!

– А дальше лису встретил. Спел ей свою песенку, а лиса и говорит: сядь мне на нос и ещё раз спой!

Наташка делает круглые глаза.

– Съест!

– Да нет, – Вера задумчиво оглядела стол. – Не стала она его есть, а наоборот, всякой всячиной угостила. И покатился колобок дальше...

– Папа! Укатился! – Наташка восторженно смотрит на Веру и хлопает в ладоши.

– Укатился, – подтверждает Костя. – Дальше катился и катился, и приобрел вид совсем неаппетитный. Зачерствел, припылился. Уже и рад бы, чтоб съел его кто, да желаю-

щих нет.

Костя вздыхает и разводит руками – такой вот, тяжелый случай. Вера невольно улыбается. Курортники усиленно наворачивают кролика. Сидящий рядом физкультурник стучит ножом по тарелке – ему тоже хочется сказать тост. В честь гостеприимного края, который всегда рад гостям! Который щедро дарит своё тепло северянам, и который не прощается с ними, а говорит до свидания, до встречи следующим летом! Костя сосредоточенно ковыряет вилкой фаршированный перец. Пожилой курортник, не переставая жевать, хмыкает: дорогое удовольствие! Курортник в шортах, не проронивший ни слова, блаженно жмурится – винцо на славу. Действительно, оно удалось Светке, как и многое другое.

– Главное, не отступать от рецепта, – объясняет она свои удачи. – Выдержать пропорции, ну, вес, чтобы до миллиграмма, время...

– Светлана Андреевна у нас лучший математик в школе, – говорит курортникам физкультурник и тут же поворачивается к Вере. – И художникам ведь тоже, кажется, все эти граммы-пропорции нужны в работе, а? Это нам, профанам, искусство – праздник! Художнику важны соотношения всякие, законы, формулы, да? Жаль, что быстро уезжаете, есть тут недалеко места красоты удивительной, только рисуй! И никакого народу. Когда летите? Слушайте, – загорелся вдруг, – сдайте свой билет, пока не поздно, у меня колеса на ходу, завтра покажу такой пейзаж – пальчики оближете! Бывали

на Тарханкуте?

– Да мы с ней в своё время весь Крым излазили, – смеётся Светка. – Как выходной или каникулы, так сразу в горы, в лес или еще куда! Какой у нас классный туристический клуб был, да, Вера? Иной раз вспомнишь – до чего же здорово бывало!

Бывало. Правда, Светлана в те времена не особенно увлекалась туризмом. Походы она терпеть не могла и всегда, даже в самых коротких, приходилось с ней мучиться. Правда, тогда Вере казалось, Светка тянется за ней, и это даже где-то льстило. Как же она ошибалась! А впрочем, так ли уж хорошо она понимает сегодняшнюю Светку? Взять это письмо – единственное за шесть лет. «Всё-таки сестры» и что там ещё? «просто необходимо увидеться» и «всем вместе собраться» – чего ждала Светка от этой встречи? Зачем ей понадобилась Вера? «Просто увидеться»? Посмотреть, какой стала старшая сестра? А если «всем вместе собраться», то почему именно тогда, когда муж в длительной командировке?

Физкультурник заглядывает ей в лицо.

– Так приедете? – О чём это он? Ах да, о новой встрече на гостеприимной крымской земле.

Вера отворачивается. У физкультурника близко посаженные выпуклые глаза и хлебные крошки в усах.

– Следующая встреча на Севере. Там тоже есть что посмотреть.

Физкультурник снова весело скалит зубы, словно она сказала что-то отменно остроумное.

Зачем собрала Светка это странное застолье? Ладно, друзья, но зачем пригласила этого физкультурника? Курортников усадила за стол, вон как уплетают бесплатную снедь. И во главе стола она, щедрая розовощекая хозяйка дома.

Мыли посуду. Кухня у Светки сияла испанским кафелем. И газ провели, колонку поставили, в старом чулане оборудовали ванную.

– Всё это недавно... Но тут что не сделай – вздыхает Светка, – лучше не будет. Тесно. И комнаты, и кухня, и коридор – всё крошечное, не развернешься. А как мучаемся летом, когда гости! И не пригласить нельзя, всё-таки у моря живем, а пригласишь – никакого отдыха, одни мучения. Но мы нашли выход. Знаешь, мы решили этот дом продать, – Светка внимательно посмотрела на Веру. – Ты как, возвращаться не думаешь?

– Да нет пока.

Светка понимающе кивает головой.

– Конечно, там у тебя какие-никакие перспективы, работа интересная. Здесь так никогда не устроиться, просто негде... И квартира у тебя, не чета этой развалине. Значит, ты не возражаешь, если мы этот дом продадим? Понимаешь, тут такая формальность, на продажу требуется твоё разрешение. Наследницы-то мы обе. Конечно, если вдруг надумаешь вернуться – твоя часть дома, вернее, её стоимость... мы возме-

стим, – Светка на секунду смешалась. – Только не сразу...

– Я согласна, – всё равно ведь ничего не осталось от их старого дома, всё перестроено и перекроено.

– Тогда давай прямо сейчас в нотариальную сбегаем, а? – оживившись, быстро говорит Светка и вытирает руки. – У меня все документы готовы. Это всего полчаса у тебя отнимет... да, паспорт возьми. Понимаешь, не хочется откладывать. Я уже новый дом присмотрела, там участок в три раза больше нашего, молодой сад, сама знаешь, что такое фрукты – всегда живая копейка! И дом просторный, хотя, конечно, запущенный страшно, что хорошо, с одной стороны, недорого продают, но с другой, придётся повозиться, чтобы привести его в порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.